

<https://helda.helsinki.fi>

pÿ > @ > 3 0 : 0 @ 8 6 A : > 9 E 0 @ B 8 8 : 8 A B > @ 8 G 5 A : 8 5 =
pÿ C @ > : 8 4 ; O ! A 5 3 > 4 = O

Nünlist, Christian

The OSCE Network of Think Tanks and Academic Institutions
2018-11-01

pÿNünlist , C , Aunesluoma , J H & Zogg , B 2018 , > @ > 3 0 : 0 @ 8 6 A : > 9
pÿ 8 A B > @ 8 G 5 A : 8 5 = 0 @ @ 0 B 8 2 K 8 C @ > : 8 4 ; O ! A 5 3 > 4 = O . The OSCE Ne
and Academic Institutions , Vienna .

<http://hdl.handle.net/10138/298549>

unspecified

Downloaded from Helda, University of Helsinki institutional repository.

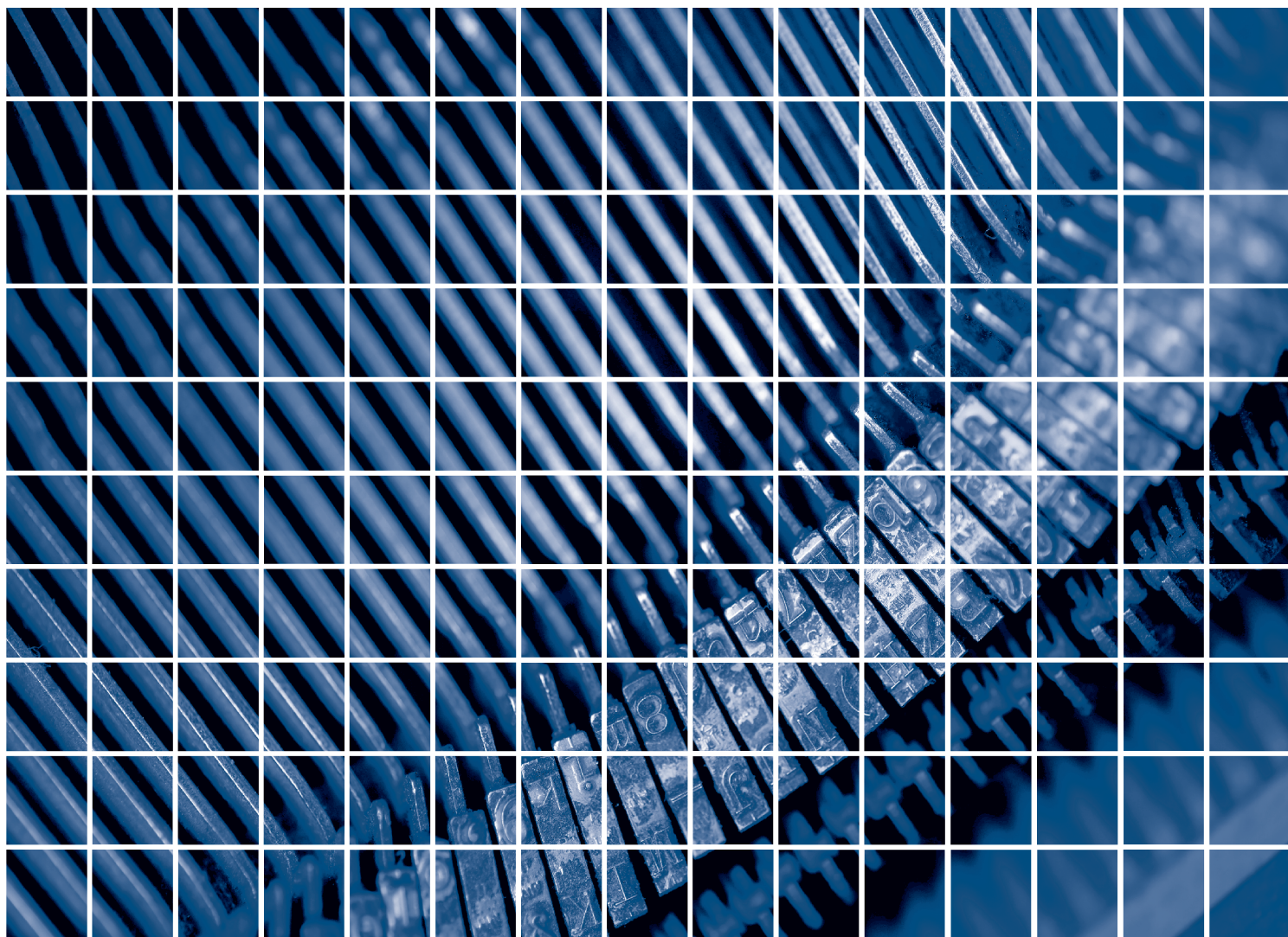
This is an electronic reprint of the original article.

This reprint may differ from the original in pagination and typographic detail.

Please cite the original version.

Дорога к Парижской хартии

исторические нарративы и
уроки для ОБСЕ сегодня

Логотип Сообщества аналитических центров
и академических институтов ОБСЕ

Редакционная группа | Кристиан Нюнлист (основной автор) | Юхана Аунеслуома | Бенно Цогг

Настоящий доклад является объектом авторского права. Все права защищены и распространяются как на весь материал, так и его часть, и включают перевод, перепечатку, повторное использование иллюстраций, трансляцию, воспроизведение с помощью фотокопировальных аппаратов или аналогичных средств, а также хранение в банках данных. В соответствии с § 54 Закона об авторском праве Германии, для изготовления копий не для частного использования необходимо перечислить плату в группу «Verwertungsgesellschaft Wort», находящуюся в Мюнхене.

Дизайн и верстка | red hot 'n' cool, Вена
Фотография на обложке © 123rf.com | Александр Кичигин

Содержание

3	Благодарности
4	Краткое описание
7	Введение: Возврат к прошлому
11	1) Парижская хартия 1990 года и политическое устройство Европы после окончания холодной войны: взгляд историков
17	2) Взаимоисключающие нарративы процесса принятия Парижской хартии 1990 года
25	3) Нарративы как препятствия; нарративы как возможности
29	4) Заключение
31	5) Рекомендации
34	Приложение
34	Разъяснительное уведомление
34	Авторы
34	Очевидцы событий
35	Ученые

Благодарности

Настоящий проект был инициирован Германией во время ее председательства в ОБСЕ в 2016 году и поддержан Федеральным министерством европейских, интеграционных и иностранных дел Австрии, Федеральным министерством иностранных дел Германии, Федеральным Департаментом иностранных дел Швейцарии, Министерством иностранных и европейских дел Словацкой Республики, Министерством иностранных дел и торговли Ирландии и Министерством иностранных дел Республики Сербия. Секретариат ОБСЕ обеспечил административный и финансовый мониторинг. Мы выражаем искреннюю признательность за всю эту поддержку. В частности, мы бы хотели поблагодарить д-ра Петри Хаккарайнена, который с самого начала проявил живой интерес к идее проекта, цель которого извлечь уроки для решения сегодняшних проблем европейской безопасности, опираясь на хронику развития связанных с ней событий, начиная с 1989 года. Специальный представитель Федерального правительства Германии по вопросам председательства в ОБСЕ в 2016 году Гернот Эрлер оказал проекту большую поддержку в ходе проведения Дней безопасности ОБСЕ в Праге в июне 2017 года.

Мы выражаем особую благодарность группе видных очевидцев событий, состоящей из бывших высокопоставленных дипломатов СБСЕ, а также ведущим современным историкам, которые поделились личными наблюдениями и предоставили важную пищу для размышлений в ходе содержательного

парижского семинара по «устной истории» (список его участников дается в Приложении). Этот первый семинар по проекту был проведен и профинансирован Французским институтом международных отношений (IFRI), и мы благодарим д-ра Барбару Кунц и Кэтрин Найкер. Мы выражаем признательность представителям 20 членов Сообщества аналитических центров и академических институтов ОБСЕ за внесение вклада в подготовку доклада и конструктивные замечания по его первоначальному варианту, высказанные членами аналитической группы (перечислены в Приложении). Мы также благодарим Ливиу Горовица (Центр по изучению проблем безопасности, Швейцарская высшая техническая школа Цюриха) за внимательное прочтение нашего окончательного варианта и очень полезные комментарии и рекомендации. И, наконец, особую признательность мы выражаем д-ру Вольфгангу Целльнеру, д-ру Фрэнку Эверсу и Найде Мехмедбегович Драйлих (CORE, Институт исследований проблем мира и политики безопасности при Гамбургском университете) за их заинтересованное участие в реализации проекта с первых его дней и неустанную его поддержку.

В 2018 году Федеральный Департамент иностранных дел Швейцарии и Федеральное министерство иностранных дел Германии любезно согласились совместно спонсировать перевод доклада на русский язык для представления и обсуждения его основных положений на двух мероприятиях, которые пройдут в Москве и Санкт-Петербурге в ноябре 2018 года.

Краткое резюме

Нынешняя напряженность в отношениях между Россией и Западом и возврат к обострению проблем европейской безопасности обусловлены незавершенностью политического устройства континента после окончания холодной войны, хотя после 1990 года Западу казалось, что ему удалось установить справедливый новый порядок для европейского будущего. Сегодня стало очевидным, что надежды, которыми проникнут полный оптимизма текст Парижской хартии для новой Европы, принятой на Сессии глав государств и правительств СБСЕ в ноябре 1990 года – первом саммите СБСЕ после судьбоносного Хельсинкского саммита 1975 года, – оказались тщетными. Создание новой структуры европейской безопасности, основанной на открытости, сотрудничестве и партнерстве между бывшими во времена холодной войны врагами, не выдержало испытаний 1990-х годов – распада Советского Союза, межэтнических конфликтов, породивших балканские войны, и затяжных конфликтов на постсоветском пространстве.

Откликаясь на пожелания, высказанные в докладе Группы видных деятелей ОБСЕ по европейской безопасности (англ. “Panel of Eminent Persons” – *PEP*), подготовленном в конце 2015 года, в настоящем докладе Сообщества аналитических центров и академических институтов ОБСЕ делается попытка реконструировать ход переговоров в период формирования современной архитектуры европейской безопасности, начиная с падения Берлинской стены в ноябре 1989 года и заканчивая подписанием Парижской хартии год спустя. Мы считаем, что выявление и оценка упущенных возможностей, а также анализ противоречивых национальных версий произошедшего в тот знаменательный период, могут быть полезны для понимания как причин, так и существенных элементов нынешнего раскола в Европе.

Главной целью доклада является приобщение взглядов современных историков к множеству версий того, что якобы произошло в 1989-ом и 1990-ом годах и почему. Мы считаем, что историки, привычные к реконструкции прошлого, могут помочь разобраться в паутине противоречивых повествований и интерпретаций. Сопоставляя распространенные мифы и политизированные воспоминания с недавно рассекреченными архивными материалами и растущим потоком научных исследований о событиях 1989 и 1990 годов, мы считаем, что настало время добавить нюансы и оттенки серого в преимущественно черно-белые описания истории успехов и неудач при создании стратегической архитектуры Европы после холодной войны. Достоверные эмпирические данные и профессиональный исторический анализ являются полезными инструментами, позволяющими успокоить ныне непримиримые политические дискуссии о европейской безопасности, поскольку снимают разногласия сторон относительно отправной точки существующих сегодня расхождений. В нашем докладе показано, в какой степени часто звучащие версии событий действительно опираются на факты.

Поставив во главу угла рассмотрение различных представлений об общеевропейской безопасности и дороги к Парижской хартии СБСЕ, наш доклад восполняет существующий научный пробел, поскольку самый конец холодной войны и начало периода после ее окончания еще не подвергались анализу с позиции ОБСЕ/СБСЕ. Сообщество исследовательских центров ОБСЕ явилось идеальной структурой для анализа разнообразных национальных нарративов и интерпретаций и уделило особое внимание многосторонней дипломатии (или ее отсутствию). Рассмотрению аспектов многосторонней дипломатии способствовало приглашение бывших высокопоставленных дипломатов СБСЕ (включая первого Генерального секретаря СБСЕ/ОБСЕ) внести свой вклад в наше обсуждение в качестве ключевых очевидцев событий тех лет.

Хотя мы не ставили перед собой цель выработать новую консенсусную версию произошедшего, проведение двух семинаров позволило лучше понять исторический контекст принятия важнейших решений. Семинары помогли отделить мифы от реальности и существенно улучшить понимание сути происходивших тогда событий. Обсуждение вызывающих споры исторических моментов и фокусирование внимания на непредвиденных последствиях уже само по себе является мерой укрепления доверия. Это позволяет надеяться, что наш скромный проект и данный доклад внесут свой вклад в укрепление взаимного исторического понимания, диалога и доверия между Россией и Западом. Принимая во внимание отсутствие в настоящее время среди государств-участников ОБСЕ политической воли к обсуждению исторических первопричин нынешних проблем на официальном уровне, мы уверены, что инициативы дипломатии второго трека, подобные нашей, могут быть полезны для извлечения уроков из недавнего прошлого путем предоставления действующим политикам достоверных исторических знаний. Мы надеемся, что утратившее актуальность мышление уступит место новому видению сотрудничества в области европейской безопасности, на этот раз действительно свободному от призраков прошлого.

Рекомендации:

- ❖ **Перевести данный доклад на русский язык и обсудить его положения на семинаре Сообщества аналитических центров и академических институтов ОБСЕ (Сообщество исследовательских центров ОБСЕ) в Москве в 2018 году (1 день).**
- ❖ **Организовать мероприятие Сообщества исследовательских центров ОБСЕ (например, официальный завтрак или обед) для итальянских журналистов, освещающих председательство Италии в ОБСЕ в 2018 году.**
- ❖ **Представить выводы доклада заинтересованным представителям ОБСЕ (секретариат ОБСЕ, делегации ОБСЕ) на мероприятии Сообщества исследовательских центров ОБСЕ (например, официальном завтраке или обеде), организованном в Вене в 2018 году.**
- ❖ **Обсудить возможность будущего сотрудничества между Сообществом исследовательских центров ОБСЕ и ЕВРОКЛИО (Европейской ассоциацией преподавателей истории).**
- ❖ **Подготовить концепцию последующего проекта Сообщества исследовательских центров ОБСЕ в рамках «диалога по истории» к 30-летию юбилею принятия Парижской хартии 1990 года (ноябрь 2020 г.).**

Введение: Возврат к прошлому

«Устаревшее мышление опаснее устаревшего оружия».

Ганс-Дитрих Геншер, Штутгарт, 7 мая 1989 г.

В конце 2015 года Группа видных деятелей по европейской безопасности (PEP) призвала в своем докладе «Возвращение к дипломатии» осуществить исследовательский проект, касающийся различных интерпретаций, нашей общей истории, который объединил бы ученых различных стран с целью более системного изложения расхождений во взглядах на прошлое, а также объяснения того, как и почему они появились¹. Настоящий доклад знаменует собой завершение проекта по реализации этой идеи. В проекте приняли участие очевидцы событий, историки и аналитики из государств-участников ОБСЕ, чтобы разобраться в паутине противоречивых повествований и извлечь уроки для настоящего.

Различные версии и интерпретации. Призраки прошлого по-прежнему оказывают негативное воздействие на нынешний политический диалог в Европе². Напряженность в отношениях, вызванная текущими разногласиями, и диаметрально противоположное видение процесса становления системы европейской безопасности после 1990 года не позволяют прийти к консенсусу о причинах и истоках проблем, существующих сегодня между Россией и Западом³. Так, в последние годы российские лидеры, в том числе Владимир Путин и Сергей Лавров, неоднократно говорили об имевшем, по их словам, место «нарушенном обещании» Запада, данного им в 1990 году, не расширять НАТО на

Восточную Европу («Ни дюйма на восток»⁴, как заверил советского лидера Михаила Горбачева госсекретарь США Джеймс Бейкер на встрече 9 февраля 1990 года). Противопоставляя Украину (и Беларусь) другим бывшим социалистическим странам Восточной и Центральной Европы, лидеры США подчеркивали важность интеграции (точнее, вовлечения) последних в западные институты, чтобы обеспечить их плавный переход от социализма к демократии и рыночной экономике. Кроме того, западная контрриторика делала упор на принципиальную готовность нескольких администраций США и их европейских партнеров интегрировать Россию в процесс создания европейской системы безопасности после окончания холодной войны.

Политизированная история. Такая аргументация, основанная на разном восприятии недавнего прошлого и избирательном использовании исторических данных, продолжает формировать мир и сегодня. Подобные приемы конструирования нарративов государства намеренно используют в международных отношениях для достижения своих целей при взаимодействии с другими странами, а также для обращения к внутренней аудитории и формирования внешнеполитической идентичности государства⁵. Нарративы – это форма политизации истории. Они превращают исторические знания в политический инструмент и могут восприниматься акторами как единственное разумное представление о прошлом. Хотя подобные интерпретации совсем не обязательно находят подтверждение в имеющихся исторических данных, политические императивы использования истории в определенных целях позволяют выдавать их за истину в последней инстанции.

1 См.: Группа видных деятелей по европейской безопасности (PEP). «Возвращение к дипломатии». Вена: ОБСЕ, 2015. С. 2

2 В данном докладе под «Европой» имеются в виду 57 государств-участников ОБСЕ.

3 В данном докладе под «Западом» имеются в виду страны, являющиеся либо членами ЕС и/или НАТО, либо ассоциированными с ними государствами.

4 Запись беседы, состоявшейся 9 февраля 1990 года, между Михаилом Горбачевым и Джеймсом Бейкером в: *Masterpieces of History: The Peaceful End of the Cold War in Europe*. 1989 / Ed. S. Savranskaya, T. S. Blanton, V. M. Zubok. Budapest: CEU Press, 2010. Pp. 675-685.

5 См.: Krebs R. R. *Narrative and the Making of US National Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. См. также Möttölä K. *Finland between the Practice and the Idea: The Significance and Change of Narrative in the Post-Cold War // Security Narratives in Europe: A Wide Range of Views* / W. Zellner (ed.). Baden-Baden: Nomos, 2017. Pp. 11-33, здесь: pp. 11ff.

Столкновение нарративов. Новый раскол между Россией и Западом является серьезной проблемой для выстраивания системы европейской безопасности после 1990 года и ОБСЕ. По нашему мнению, без откровенного обсуждения оснований различного восприятия с опорой на достоверные эмпирические и архивные данные, а также без профессионального исторического анализа нам не удастся понять, каким образом мы оказались в нынешнем положении после Парижского саммита 1990 года и преобладавшего тогда чувства «эйфории, оптимизма и уверенности»⁶. Бремя различных представлений о прошлом сводит на нет текущие дебаты о роли России в Европе и о возможном возвращении к дипломатии, диалогу и (в конечном итоге) сотрудничеству.

Исходная точка расхождения во взглядах. Мы считаем, что украинский кризис явился симптомом и следствием, но никак не изначальной причиной ухода России от европейской системы безопасности 1990 года⁷. Еще в 1994 году президент России Борис Ельцин предостерегал Запад от «холодного мира»⁸. Политика и институциональные механизмы, утвердившиеся сразу после холодной войны, показали преимущество в действиях США и их союзников, решивших продолжать полагаться на существующие организации, такие как НАТО и ЕЭС/ЕС, а не создавать и укреплять новые, всеобъемлющие, общеевропейские структуры. В настоящем докладе основное внимание уделяется отправной точке расхождения во взглядах и разных интерпретаций одних и тех же событий. В нем рассматривается решающий период продолжительностью чуть больше года, начиная с ярких событий осени 1989 года в Центральной и Восточной Европе и заканчивая ноябрем 1990 года, когда была принята Парижская хартия для новой Европы. Мы утверждаем, что уже в 1990 году дух сотрудничества и совместное стремление к всеобъемлющей и единой системе европейской безопасности находились под серьезной угрозой⁹. Эти месяцы изменили не только

ход истории Европы того времени: интерпретации и трактовки тех событий продолжают формировать мир и сегодня. Вопрос о том, действительно ли имели место «договоренности о политическом устройстве после окончания холодной войны», и если да, то что они предусматривали и когда были достигнуты, подлежит выяснению. Это – один из ключевых аспектов сегодняшних разногласий относительно эволюции системы европейской безопасности после 1990 года.

Архивные источники. Временной промежуток выбран намеренно краткий. Возможность сосредоточиться исключительно на событиях 1989-1990 годов позволяет получить доступ к достаточно широкому спектру хранящихся в архивах оригинальных документов, которые недавно были рассекречены. Были открыты архивы в США, Германии, Великобритании, Франции, России¹⁰ и других местах, что позволяет лучше обосновать историографические толкования того, что происходило за закрытыми дверями сразу после окончания холодной войны. Это помогает сосредоточить обсуждение на главной теме: «дорога к Парижской хартии» сыграла ведущую роль в формировании европейской структуры безопасности. И, наконец, для завершения проекта к концу 2017 года требовалось ограничить сферу исследований реалистичным объемом фронта работ. Данный доклад закладывает основу для проведения последующих, уже более масштабных исторических исследовательских проектов.

За рамками политизированной истории. Доступ к архивным документам имеет решающее значение для проведения серьезных дискуссий о недавнем прошлом. Пока официальные государственные документы находятся под грифом «секретно» (обычно в течение 25-30 лет), при проведении научных исследований приходится в значительной мере полагаться на открытые источники, мемуары и свидетельства очевидцев. Понятно, что первые исследования исторических событий всегда основаны на ограниченных эмпирических данных, а воспоминания участников событий во многом разнятся и нередко носят тенденциозный и весьма избирательный характер. Вот почему первоначальная фаза историографии зачастую представляет собой политизированную историю, в которой бывшие политики пытаются представить себя в лучшем свете. Такая история, в свою очередь, предлагает широкий

6 Как резюмировал член американской делегации на Парижском саммите Макс Кампельман в предисловии к *Enforcing Restraint: Collective Intervention in Internal Conflicts* / L. F. Damrosch (ed.). New York: CFR Press, 1993. P. vii.

7 См.: Liechtenstein S. The Ailing Euro-Atlantic Security Architecture: Treat the Causes Not the Symptoms // *Security and Human Rights Monitor*. 27 May 2015 (www.shrmonitor.org).

8 См., например, Yeltsin Says NATO Is Trying to Split Continent Again // *New York Times*. 6 December 1994.

9 Для получения общего представления см.: Nünlist C. Contested History: Rebuilding Trust in European Security // *Strategic Trends*. 2017. Pp. 11-31.

10 Подборка недавно рассекреченных российских архивных источников была опубликована в: Karner S. et al. (eds.). *Der Kreml und die deutsche Wiedervereinigung 1990*. Berlin: Metropol, 2015.

диапазон правдоподобных описаний случившегося, которые порождают противоречащие друг другу версии произошедшего. Сегодня мы наблюдаем это воочию, поскольку не стыкующиеся между собой повествования относительно европейского политического устройства после окончания холодной войны¹¹ снова политизируются¹².

Искажение исторической правды. При рассмотрении популярных утверждений (в том числе, о якобы имевшем место в феврале 1990 года заверении Запада о нерасширении НАТО на восток) мы стараемся избегать слова «миф» как аналитической концепции, более уместной в антропологических исследованиях и фольклористике. Мифотворчество применительно к недавней истории – явление достаточно редкое, и в своем докладе мы, скорее, рассматриваем и обсуждаем различные версии исторических событий и их использование в политических целях. Однако память, политика и индивидуальность играют важную роль в создании нарративов. Довольно часто при описании событий конкретными людьми исторические факты намеренно извращаются и искажаются¹³. Хотя верно и то, что официальная история также постоянно переписывается и изначально подвержена определенной предвзятости, мы не считаем, что работа, проводимая профессионалами в этой области, представляет собой еще одну «версию» особого взгляда на прошлое, поскольку эта работа становится объектом самой тщательной перепроверки со стороны исторического сообщества. В то же время «исторические факты», разумеется, не хранятся в архивах, а выявляются благодаря стараниям

исследователей, в данном случае, путем изучения документов, хранящихся в архивах¹⁴.

Два семинара Сообщества исследовательских центров ОБСЕ. Данный доклад основан на материалах проекта Сообщества аналитических центров и академических институтов ОБСЕ, в рамках которого в сентябре и ноябре 2017 года были проведены два семинара. На первом содержательном семинаре по «устной истории», состоявшемся в Париже 5 сентября 2017 года, ведущие современные историки обсудили «дорогу к Парижу» с высокопоставленными очевидцами, которые разрабатывали Парижскую хартию 1990 года в Вене и Нью-Йорке. Эти бывшие дипломаты СБСЕ заполнили важные пробелы по этой теме в научной литературе. Откровенным обсуждением как наследия Парижской хартии, так и предполагаемых «упущенных в 1989–1990 годах возможностей» они внесли ценный вклад в подготовку данного доклада. На втором семинаре, состоявшемся в Вене 6 ноября 2017 года, аналитическая группа критически обсудила, обогатила и придала «многосторонний характер» первоначальному проекту доклада, который был подготовлен авторами после Парижского семинара. В состав аналитической группы входили, в основном, представители членов Сообщества исследовательских центров ОБСЕ.

Вклад историков в рамках дипломатии второго трека. Дебаты по историческим нарративам необходимо проводить, проявляя максимальный такт и дипломатичность, поскольку такие дискуссии легко могут привести к дальнейшему ухудшению политического климата. Считать, что истина всегда лежит посередине двух противоречащих друг другу описаний и может быть найдена путем обсуждения и выработки компромисса, было бы роковой ошибкой. Мы твердо убеждены в том, что для извлечения уроков из прошлого, нахождения выхода из тупика, восстановления доверия и укрепления европейской безопасности необходим не поиск практически недостижимого консенсусного повествования, а вдумчивое и конструктивное обсуждение исторических данных и версий, основанное на архивных материалах и понимании исторического контекста. Подхватывая эстафету проекта Сообщества исследовательских центров ОБСЕ «Европейская

11 Поскольку завершение холодной войны не было зафиксировано конкретным «мирным договором» или каким-либо другим единым документом, «договоренности о мироустройстве после окончания холодной войны» 1989–1990 гг. включали несколько соглашений о контроле над вооружениями, переговоры в формате «2+4» об объединении Германии и проведение нескольких саммитов между лидерами супердержав в 1989–1990 гг. Не стыкующиеся между собой описания того, о чем именно были достигнуты договоренности в ходе этого многопланового и мозаичного процесса, и составляют ключевое разногласие в позициях относительно системы европейской безопасности после 1990 г.

12 См.: Bozo F. et al. On the Politics of History, the Making of Deals, and the Way the Old Becomes the New // *German Reunification: A Multinational History* / F. Bozo et al. (eds.). London: Routledge, 2016. Pp. 1–11; Gehler M. and Graf M. (eds.). *Europa und die deutsche Einheit: Beobachtungen, Entscheidungen und Folgen*. Göttingen: V&R, 2017. См. также: Nünlist C. Contested History... P. 13.

13 См.: Buffet C. and Heuser B. (eds.). *Haunted by History: Myths in International Relations*. Providence: Berghahn Books, 1998. P. ix.

14 Наше понимание «исторических фактов» основано на стандартной эпистемологии эмпирических наук, где факты не существуют независимо от исследователя, но являются результатом научного метода. Если исключить заведомо очевидные исторические события, то речь может идти лишь о приближении к полной достоверности.

безопасность: вызовы на общественном уровне»¹⁵, реализованного в 2016 году, наш проект тоже нацелен на внесение вклада в текущие дискуссии ОБСЕ в рамках дипломатии второго трека. Основная задача заключается в том, чтобы доводить научно обоснованные исторические знания до сведения принимающих решения политиков в удобном формате. Понимание решений, принятых в прошлом, и упущенных возможностей, может содействовать формированию заново взаимоприемлемого видения мирного сосуществования в Европе. Мы уверены, что надежная и стабильная европейская структура безопасности должна опираться на первоначальное видение и дух представлений о системе безопасности после окончания холодной войны в 1989-1990 годах, а именно, что безопасность в Европе должна строиться на общих ценностях и целях вместе с Россией, а не против нее.

Вклад в укрепление доверия. Основываясь на новых данных о подготовке к принятию Парижской хартии в 1990 году, наш доклад выступает за обсуждение разноречивых нарративов России и Запада о событиях того времени, призванное укрепить доверие обеих сторон. Для деэскалации напряженности необходимо общение, и важной предпосылкой разрядки является диалог. Наш проект призван послужить стимулом для проведения в 2018 году ряда мероприятий с целью обсудить связанные с историей моменты, и к участию в их работе необходимо вновь привлечь специалистов-практиков, политиков, аналитиков и профессиональных историков. Следует подчеркнуть, что ведение диалога не означает потакания, и что выслушивание другой стороны и стремление понять суть ее претензий – это не то же самое, что согласие с ними. История может быть полезным инструментом для лучшего понимания принятых в прошлом политических решений, но она не должна служить оправданием для незаконного военного вторжения России на Украину в 2014 году. Великодержавная политика и применение силы в Европе должны навсегда остаться в прошлом, а само это прошлое – в учебниках истории, рассказывающих о XIX-ом и XX-ом веках¹⁶.

Цюрих/Хельсинки 21 ноября 2017 г.

Кристиан Нюнлист | Юхана Аунеслуома | Бенно Цогг

15 См.: Zellner W. et al. *European Security: Challenges at the Societal Level*. Vienna: OSCE, 2016; Zellner W. (ed.). *Security Narratives in Europe: A Wide Range of Views*. Baden-Baden: Nomos, 2017.

16 См.: Fix L. Time for a Helsinki 2.0? // *Intersection*. September 2015.

Парижская хартия 1990 года и политическое устройство Европы после окончания холодной войны: взгляд историков

В данной главе представлены общая хронология и аналитический обзор событий и процессов, которые привели к принятию Парижской хартии 1990 года. Ниже изложено преобладающее ныне мнение современных историков, основанное на ставших доступными архивных документах и последних научных исследованиях. В конце приведены вопросы, вызывающие особые разногласия, и указаны наиболее очевидные пробелы в исторических знаниях.

Великая хартия свободы. Парижская хартия для новой Европы, принятая 21 ноября 1990 года 35 государствами-участниками СБСЕ, является эпохальным документом. Она была опубликована на втором саммите СБСЕ и привела Хельсинкский Заключительный акт 1975 года в соответствие с реалиями новой эпохи, наступившей после окончания холодной войны. Она знаменует собой важную веху в истории СБСЕ/ОБСЕ. Парижская хартия положила начало институционализации Хельсинкского процесса и подтвердила волю государств-участников СБСЕ продолжить политику разрядки и после окончания холодной войны. Парижская хартия говорила о новой, единой и открытой Европе, основанной на западных ценностях, таких как демократия, верховенство права и уважение прав человека. Парижская хартия заявляла, что Европа «освобождается от наследия прошлого» и эйфорически провозглашала, что «эра конфронтации и раскола в Европе закончилась». Документ отражал «время глубоких перемен и исторических ожиданий»¹⁷.

Канцлер Германии Гельмут Коль назвал Парижскую хартию «Великой хартией свободы», а государственный секретарь США Джеймс Бейкер охарактеризовал новое СБСЕ как «совесть Европы»¹⁸.

Общий европейский дом. Идея провести саммит СБСЕ по образу и подобию Хельсинкского Совещания была впервые выдвинута советским лидером Михаилом Горбачевым в его речи в Страсбурге «Европа как общий дом» 6 июля 1989 года¹⁹. После ставшего неожиданностью падения Берлинской стены 9 ноября 1989 года советский лидер 30 ноября 1989 года вновь обратился со срочным призывом провести «Хельсинки-2»²⁰. На специальном саммите предстояло обсудить новую политическую ситуацию на континенте после революционных событий в Центральной и Восточной Европе и нарисовать новую политическую карту Европы. Для продвижения своей идеи общеевропейского будущего Горбачев

18 Kohl H. *Regierungserklärung zu den Ergebnissen des Gipfeltreffens der Staats- und Regierungschefs der KSZE in Paris und zum Europäischen Rat in Rom*. 22.11.1990. доступно на <http://www.helmut-kohl-kas.de>; Baker III J. A. CSCE: The Conscience of the Continent. Remarks at the CSCE Conference on the Human Dimension. Copenhagen. 6 June 1990 // S. F. Wells. *The Helsinki Process and the Future of Europe*. Washington, DC: The Woodrow Wilson Center Press, 1992. Pp. 185-194.

19 СБСЕ. Заключительный документ. Вена. 19 января 1989 г. С. 13. Доступен на <http://www.osce.org/mc/40881>. В своем выступлении в Варшаве в июле 1988 года Горбачев впервые предложил провести второй саммит СБСЕ; Горбачев, «Европа как общий дом». Страсбург. 6 июля 1989 г.

20 См.: Vojtech M. *The Helsinki Process and the Reintegration of Europe, 1986-1991: Analysis and Documentation*. London: Pinter, 1992.

17 СБСЕ. *Парижская хартия для новой Европы*. Париж. 21 ноября 1990 года.

использовал метафору «Общего европейского дома»²¹ с 1987 года²². Сама идея уходит корнями в давнее стремление России стать частью Европы. Для Горбачева европейская безопасность и европейская интеграция были не инструментами, а конечной целью советской внешней политики. Общий европейский дом должен был базироваться на общечеловеческих ценностях, коллективной безопасности и экономической интеграции. Он мыслился как континент без границ, где люди и идеи будут свободно перемещаться. В отличие от своих предшественников, Горбачев хотел превратить СБСЕ в главную структуру европейской безопасности, в то время как те критически воспринимали акцент СБСЕ на права человека, хотя и придавали большое значение тому, что называли «общеевропейским процессом». Предполагалось, что и НАТО, и Варшавский пакт со временем будут распущены, а роль СССР как великой европейской державы станет возрастать²³.

Сдержанность Буша. Первой реакцией США на выдвинутую Горбачевым идею саммита было сомнение. Для администрации Джорджа Буша-старшего неожиданные революционные события в Центральной и Восточной Европе и перспектива объединения Германии создали щекотливую ситуацию с большой степенью неопределенности относительно того, как окончание холодной войны повлияет на развитие событий и отношения США с их европейскими партнерами. На короткое время вопросы изоляционизма и выхода из Европы вновь обрели актуальность и стали рассматриваться как возможные варианты политики. При распаде советского блока и согласии Москвы на самостоятельное определение ее союзниками из Восточной Европы своего будущего, американское военное присутствие в Европе также оказывалось под вопросом. В мае 1989 года президент Буш признал

растущую роль Германии после холодной войны. В Майнце он предложил Колю «партнерство в лидерстве». В целом администрация Буша-старшего относилась к Советскому Союзу и политике разрядки Горбачева с большим скептицизмом²⁴. Из ведущих западных стран США дали согласие на проведение саммита СБСЕ последними – в феврале 1990 года²⁵.

Потерянный год. С 1985 по 1988 годы американо-советские отношения отличала атмосфера доверия, которое Горбачев завоевал у Рональда Рейгана, но после своей инаугурации в январе 1989 года Буш взял паузу²⁶. Большая часть 1989 года была, таким образом, «потеряна»²⁷, пока администрация Буша занималась пересмотром политики США в отношении Советского Союза. Во время этой «паузы Буша» в начале 1989 года США никак не реагировали на большую часть инициатив Горбачева по контролю над вооружениями и другим вопросам²⁸. Хотя речь Горбачева в ООН 7 декабря

21 Впервые Горбачев представил идею «Общеевропейского дома» в большой речи, которую произнес в Праге в апреле 1987 г. Он рассказал о своей концепции «Общего европейского дома» и доктрине сдержанности, исключающей применение силы или угрозы силой, в большом выступлении перед Советом Европы в Страсбурге 6 июля 1989 года.

22 См.: Rey M.-P. Europe is our Common Home: A Study of Gorbachev's Diplomatic Concept // *Cold War History*. 2004. Vol. 4. No. 2. Pp. 33-65; Fix L. European Security and the End of the Cold War: Gorbachev's Common European Home Concept and its Perception in the West. (Неопубликованная рукопись. LSE, 2012).

23 См.: Savranskaya S. The Fall of the Berlin Wall, Eastern Europe, and Gorbachev's Vision of Europe after the Cold War // *Imposing, Maintaining, and Tearing Open the Iron Curtain: The Cold War and East-Central Europe, 1945-1989* M. Kramer and V. Smetana (eds.). Lanham: Lexington Books, 2014. Pp. 335-353, здесь: p. 336f.

24 См.: Savranskaya S., Blanton T. *The Last Superpower Summits: Gorbachev, Reagan, and Bush: Conversations that Ended the Cold War*. Budapest: CEU Press, 2016. Pp. 481-569.

25 См.: Baker J. From Revolution to Democracy: Central and Eastern Europe in the New Europe. Address at Charles University, Prague, 7 February 1990. Коля еще 10 января 1990 г. согласился провести на Парижском саммите СБСЕ в конце 1990 года «первый обмен мнениями» о будущей общеевропейской архитектуре.

26 В начале 1989 г. Буш-старший инициировал полномасштабный стратегический пересмотр внешней политики США, желая проводить новый курс, а не сохранять преемственность политики, которую проводила предыдущая администрация республиканцев. См.: Engel J. A. *When the World Seemed New: George H.W. Bush and the End of the Cold War*. New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2017. Pp. 86-99.

27 В своих мемуарах помощник Горбачева Анатолий Черняев назвал 1989 год «потерянным годом». См.: Chernyaev A. C. *My Six Years with Gorbachev*. University Park: Penn State University Press, 2000. P. 201. Американские исследователи теперь согласны с тем, что «пауза», взятая Бушем в начале 1989 г., была ошибкой и «упущенной возможностью». См.: Hoffman D. E. 1989: The Lost Year // *Foreign Policy Blog*. 4 November 2009 (www.foreignpolicy.com): «Результаты могли бы быть лучше, осознавая Буш в начале 1989 года всю исключительность переживаемого исторического момента». Сомнения, проявленные администрацией Буша в 1989 году, откровенно признаются в совместно написанных мемуарах Буша-старшего и Скоукрофта «Мир стал иным». См.: Bush G., Scowcroft B. *A World Transformed*. New York: Knopf, 1998.

28 См.: Blanton T. Ronald Reagan, George H.W. Bush, and the Revolutions of 1989: American Myths Versus the Primary Sources // *Imposing, Maintaining, and Tearing Open the Iron Curtain: The Cold War and East-Central Europe, 1945-1989* / M. Kramer and V. Smetana (eds.). Lanham: Lexington, 2014. Pp. 279-304; Ostermann C. The United States and German Unification // M. Gehler. *Europa und die Deutsche Einheit: Beobachtungen, Entscheidungen und Folgen*. Pp. 93-117.

1988 года о разоружении превозносились как «самое поразительное объявление о капитуляции в истории идеологического противостояния» (сенатор Даниэл Патрик Мойнихан) и даже ставилась на одну доску с 14 пунктами Вудро Вильсона (1918 г.) или Атлантической хартией Черчилля (1941 г.) (редакционная статья «Нью-Йорк таймс»)²⁹, Буш продолжал проявлять сдержанность. Его советник по национальной безопасности Brent Scowcroft относился к горбачевской политике гласности и перестройки с чувством большой настороженности и охарактеризовал преобладавшее в начале 1989 года настроение в новой администрации следующим образом: «Холодная война еще не закончилась»³⁰. Государственный секретарь Джеймс Бейкер говорил тогда Бушу, что Горбачев «пытается нас убить добротой»³¹. В начале 1989 года советник Горбачева Анатолий Черняев практически потерял надежду, что Горбачеву удастся «сбросить оковы прошлого во всех аспектах внешней политики»³². Эти «оковы прошлого» продолжали сказываться на образе мыслей руководства администрации Дж. Буша-старшего и, судя по всему, не позволили в ответ на речь Горбачева в ООН уже тогда пойти на резкое сокращение арсеналов ядерного оружия и обычных вооружений³³. После падения Берлинской стены Вашингтон обусловил согласие США принять участие в саммите СБСЕ в 1990 году сначала завершением переговоров по ДОВСЕ³⁴.

Основа общеевропейской архитектуры. Несмотря на проявленный с самого начала скептицизм США, СБСЕ по-прежнему занимало центральную роль в дипломатии ФРГ-США в 1989-1990 годах во время переговоров с Советским Союзом о европейском политическом устройстве после окончания холодной войны. 28 ноября 1989 года Гельмут Коль выступил в бундестаге со своей знаменитой Программой объединения Германии, состоявшей из десяти пунктов. Отметив в седьмом пункте, что «ЕЭС не должен заканчиваться на Эльбе», в следующем пункте Коль подчеркнул, что процесс СБСЕ должен оставаться «ядром будущей общеевропейской архитектуры безопасности». Интересно отметить, что

в «Программе из десяти пунктов» Коль не упомянул ни НАТО, ни роль четырех держав, что вызвало немалое раздражение в администрации Буша³⁵. По мнению ряда исследователей, такое демонстративное подчеркивание роли СБСЕ было продиктовано исключительно тактическими соображениями, а именно: не допустить антагонизма среди западных союзников Бонна и в Москве из-за призрака членства объединенной Германии в НАТО на этом раннем этапе³⁶.

Позиция Геншера. В то время идею создания общеевропейской системы безопасности на смену расколу времен холодной войны поддерживали и в Западной, и в Восточной Европе. В 1989-1990 годах министр иностранных дел ФРГ Ганс-Дитрих Геншер искренне хотел создать в Европе новую структуру безопасности по образу и подобию СБСЕ. Ради западного партнерства с Москвой, Геншер был готов пойти даже на то, чтобы распустить НАТО и Варшавский договор, к чему призывал Горбачев. Он был искренен, обещая в начале 1990 года в беседах с глазу на глаз с Горбачевым и министром иностранных дел СССР Эдуардом Шеварднадзе превратить СБСЕ в доминирующую структуру европейской безопасности. Однако Геншер не мог выступать от имени ни канцлера Коля, ни НАТО, ни, тем более, Варшавы, Праги или Будапешта³⁷.

Идея Европейской конфедерации Миттерана. В 1989 году французский президент Франсуа Миттеран выдвинул свою идею новой системы европейской безопасности, которая позволила бы преодолеть раскол времен холодной войны и создать условия для освобождения Европы. 31 декабря 1989 года он предложил странам Центральной и Восточной Европы создать под эгидой Франции «Европейскую конфедерацию» в качестве альтернативы вступления со временем в ЕЭС. Проект Миттерана предусматривал вхождение в состав конфедерации Советского Союза, но не Соединенных

29 См.: Gambler, Showman; Statesman // *New York Times*. 8 December 1988. Все другие цитаты из Blanton T. When Did the Cold War End? // *Cold War International History Project Bulletin* 1998. No. 10. P. 184.

30 См.: Engel J. A. *When the World Seemed New...* P. 87.

31 См.: Bush G., Scowcroft B. *A World Transformed*. P. 14.

32 Chernyaev A. C. *My Six Years...* P. 202.

33 См.: Savranskaya S., Blanton T. *The Last Superpower Summits...* P. 461.

34 См.: Baker J. *From Revolution to Democracy...*

35 См.: Ostermann C. *The United States and German Unification*. P. 103.

36 См.: Martini S. *Die sicherheitspolitische Funktion der KSZE im entspannungspolitischen Konzept der Bundesrepublik Deutschland 1975-1990*. Berlin: Mensch-und-Buch-Verlag, 2006. В то же время администрация Буша разыгрывала карту НАТО («для сдерживания немцев»), чтобы снять обеспокоенность Москвы, Парижа и Лондона перед призраком возрождающейся Германии.

37 См.: Spohr K. Precluded or Precedent-setting? The NATO Enlargement Question in the Triangular Bonn-Washington-Moscow Diplomacy of 1990/1991 and Beyond // *Journal of Cold War Studies*. 2012. Vol. 14. No. 4. Pp. 4-54.

Штатов. Свой проект примирения Восточной и Западной Европы Миттеран начал продвигать в 1986 году, делая упор на общие ценности и демократизацию социалистических стран. Подход Миттерана разделяли члены ЕЭС, которые во второй половине 80-х годов были заинтересованы в углублении контактов и экономическом взаимодействии с социалистическими странами.

После падения Берлинской стены Миттеран всячески старался не допустить сделки сверхдержав по Германии и настаивал на европейской позиции и общеевропейской структуре (например, СБСЕ) политического устройства после холодной войны. На встрече с Горбачевым в Киеве 6 декабря 1989 года после саммита лидеров СССР и США на Мальте Миттеран согласился с советским руководителем, что «немецкий вопрос» следует решать после определения роли СБСЕ. 16 декабря 1989 года он также предупредил Буша: «Объединение Германий не должно опережать развитие ЕЭС, иначе все это закончится провалом». В целом для Миттерана европейская интеграция (без США) всегда была намного предпочтительнее СБСЕ (с США и Канадой)³⁸.

Позиция стран Центральной и Восточной Европы.

Страны Восточного блока сначала тоже отдавали предпочтение СБСЕ в качестве структуры, которой следует заполнить вакуум безопасности в Центральной и Восточной Европе. Так, в феврале 1990 года президент Чехословакии Вацлав Гавел призвал все иностранные войска покинуть Восточную Европу и высказался за замену НАТО и Варшавского договора общеевропейской организацией по типу СБСЕ. В то время Польша также считала, что новая структура европейской безопасности должна заменить оба военных блока времен холодной войны, и согласилась с заявлением Горбачева о том, что Варшавский договор должен быть сохранен для защиты границ в бурный переходный период. В феврале 1990 года премьер-министр Польши Тадеуш Мазовецкий и другие ведущие политики были так встревожены перспективой объединения Германии, что публично призывали к укреплению Варшавского договора и сохранению советских войск на территории Польши (и ГДР), пока в вопрос о статусе Германии и немецко-польской границе

не будет внесена ясность³⁹. Позднее определенные надежды возлагались на Вишеградскую группу, созданную ЧССР, Венгрией и Польшей в феврале 1991 года⁴⁰. Первые призывы к вступлению в НАТО стали раздаваться в странах Центральной и Восточной Европе только в середине сентября 1990 года после заключения Договора «Два плюс четыре» об объединении Германии⁴¹.

Нейтральные страны. Для нейтральных стран Европы (Швеции, Финляндии, Австрии, Швейцарии и Югославии) падение Берлинской стены и форсирование переговоров по системе европейской безопасности представляли проблему. Их традиционная и привычная роль «связующего звена» и посредников между Востоком и Западом теряла свою актуальность. Хотя нейтральные страны всегда поддерживали Хельсинкский процесс и, соответственно, тоже приветствовали в 1990 году идеи укрепления и институционализации СБСЕ и замены биполярного мироустройства, появление новых угроз безопасности ставило под сомнение саму концепцию нейтралитета в том виде, как она существовала во времена холодной войны⁴². Для нейтральных стран Европы (за исключением Швейцарии) решением проблемы оказалось участие в набирающем обороты европейском интеграционном процессе и сведение нейтралитета к определяющему его сущность военному неприсоединению. В политической повестке дня

38 См.: Bozo F. The Failure of a Grand Design: Mitterrand's European Confederation, 1989-1991 // *Contemporary European History*. 2008. Vol. 17. No. 3. Pp. 391-412; Bozo F. *Mitterrand, the End of the Cold War, and German Unification*. New York: Berghahn Books, 2009. Цитата приводится по: <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1989-12-16--Mitterrand.pdf>.

39 См.: *Gazeta wyborcza*. 14 February 1990. P. 1; *Gazeta wyborcza*. 22 February 1990. P. 1; Soviet troops in Poland. *Radio Free Europe Report on Eastern Europe* 1/9. 2 March 1990. Pp. 15-17.

40 См.: Mastny V. Germany's Unification, Its Eastern Neighbors, and European Security // F. Bozo et al. (eds.), *German Reunification: A Multinational History*. London: Routledge, 2016. Pp. 202-226, здесь: pp. 210-213. См. также: превосходные статьи Андреаса Шмидт-Швейцера, Мирослава Кунштата и Доминика Пика о Венгрии, Чехословакии и Польше в Gehler M. and Graf M. *Europa und die deutsche Einheit...* Pp. 547-626.

41 Когда 21 февраля 1990 г. венгерский министр иностранных дел Дьюла Хорн сказал, что Венгрия «со временем может быть интегрирована в политические органы» НАТО, он не требовал расторжения Варшавского договора или выхода из него Венгрии. Он отдавал предпочтение сохранению членства Венгрии в реформированном Варшавском пакте, установлению более тесных отношений с НАТО и укреплению общеевропейской безопасности. См.: Karner S. et al. (eds.). *Der Kreml...* P. 65f.

42 См.: Hopmann P. T. From Helsinki I to Helsinki II: The Role of the Neutral and Nonaligned States in the OSCE // H. Gärtner (ed.). *Engaged Neutrality: An Evolved Approach to the Cold War*. Lanham: Lexington, 2017. Pp. 143-160, здесь: pp. 152ff. О шекотливом положении Финляндии в 1990 г. см.: Aunesluoma J., Uutela M. In Germany's Footsteps: German Reunification and Finland, 1987-1994 // M. Gehler and M. Graf (eds.). *Europa und die deutsche Einheit*. Pp. 415-438.

этих не входящих в НАТО стран СБСЕ/ОБСЕ по-прежнему считается ключевой структурой европейской безопасности – не случайно, именно нейтральным странам, «ностальгирующим по ОБСЕ», так часто по сравнению с другими доверяется председательство в этой организации.

Научные пробелы и спорные вопросы. Наверное, вопросом, вызывающим наибольшие споры в историографии подготовки к саммиту в Париже, является следующий: действительно ли на переговорах об объединении Германии Запад прямо или косвенно обещал Горбачеву не расширять НАТО на восток при обсуждении политического устройства после холодной войны. На то, что обещание не расширять НАТО на восток Запад якобы давал, президент России Владимир Путин и министр иностранных дел Сергей Лавров продолжают указывать в своих выступлениях и поныне. С точки зрения СБСЕ, в отношении 1990 года есть два основных вопроса: 1) Должна ли была будущая европейская система безопасности на основе общеевропейского СБСЕ стать альтернативой НАТО (или НАТО и СБСЕ должны были дополнять и взаимно укреплять друг друга)? 2) Давались ли Западом обещания установить новый, открытый, общеевропейский порядок с Советским Союзом (например, представление о Парижской хартии) искренне – или это была просто тактическая уловка и пустые обещания с целью завуалировать стремление сохранить НАТО на первых ролях? Кроме того, какова была связь между отводимой СБСЕ ролью и подготовкой ЕЭС к усилению своих позиций в сфере внешней политики и безопасности в 90-е годы, как впоследствии было зафиксировано в Маастрихтском договоре? Исследователи также обсуждают роль личностей (Рейгана, Горбачева, Буша-старшего, Коля, Геншера, Миттерана и др.) с самых разных точек зрения. Такие термины, как «победа Рейгана», «разворот Рейгана», «сдержанность Буша» или «фактор Горбачева», демонстрируют важную роль, которую наряду со структурными факторами играли личности. Горбачевское видение «Общего европейского дома» также вызывает споры и иногда считается «упущенной возможностью» в преодолении раскола между Востоком и Западом в Европе.

Взаимоисключающие нарративы процесса принятия Парижской хартии 1990 года

Последние исследования и содержательный семинар по «устной истории», проведенный в начале сентября 2017 года для сбора материала к данному докладу, добавили важные нюансы к наиболее распространенной в историографии точке зрения о том, что предшествовало проведению Парижского саммита 1990 года. Семинар показал, что существуют самые разные взгляды на одни и те же события и их последствия. Предполагавшееся политическое устройство Европы после окончания холодной войны описывают не две, а значительно больше взаимоисключающих версий. В целом в центре обсуждения оказалось не традиционное оптимистическое восприятие Парижской хартии 1990 года как впечатляющего окончания холодной войны и начала новой эры в Европе, а проявившийся уже на ранних этапах этого периода структурный дефицит в системе безопасности.

Историческое чудо. Мирное окончание холодной войны в Европе называлось настоящим «историческим чудом»⁴³, и основная заслуга в свершениях знаменательного 1989 года приписывалась советскому лидеру Михаилу Горбачеву. Он решительно отказался от применения силы для предотвращения событий, которые разворачивались в Восточной и Центральной Европе, а также против диссидентов и демонстрантов, наводнивших улицы городов Центральной и Восточной Европы в ходе

революций 1989 года⁴⁴. Предложение Горбачева провести встречу министров иностранных дел СБСЕ в 1990, а не 1992 году, и поднять ее уровень до саммита, было продиктовано, главным образом, падением Берлинской стены 9 ноября 1989 года. Предложив провести встречу СБСЕ на высшем уровне в конце 1990 года и обсудить на ней новую архитектуру европейской безопасности до решения щекотливого «немецкого вопроса», Горбачев стремился выиграть время и отодвинуть объединение Германии на более поздний период. По его мнению, сначала нужно было договориться о политическом устройстве Европы после холодной войны, а уже потом принимать решение по объединению Германии. В конце 1989 года и в начале 1990 года такую позицию первоначально разделяли и Париж, и Лондон. Миттеран считал, что помешать объединению Германии может только Горбачев. По словам французского президента, если Горбачев потерпит неудачу, то его заменит «генерал в Кремле»⁴⁵. Однако объединение Германии в 1990 году оказалось еще одним «историческим чудом», которое стало возможным благодаря практически безупречной синхронизации Вашингтоном и Бонном своих дипломатических усилий. Они убедили и союзников, и Советский Союз, что предлагаемое ими решение (Германия в НАТО) является наилучшим из всех возможных вариантов – в том числе для того, чтобы «сдерживать немцев».

Лидерство США – примат НАТО. В ответ на падение Берлинской стены, разработанная США в 1989 году европейская стратегия с Германией в центре новой Европы стала активно проводиться в жизнь. Решать «немецкий вопрос» приходилось раньше, чем ожидалось. Продление американского (военного) присутствия в Европе имело для Вашингтона ключевое значение. НАТО было важнейшим гарантом американского присутствия

⁴³ Название взято из книги, посвященной мирному окончанию холодной войны в Европе и опубликованной в 2010 г. Светланой Савранской, Томасом Блантоном и Владиславом Зубоком.

⁴⁴ Из выступления Светланы Савранской на нашем семинаре по «устной истории», который прошел в Париже 5 сентября 2017 г.

⁴⁵ См.: Attali J. *Verbatim*. Vol. 3. Paris: Fayard, 1995. P. 932.

на континенте и влияния на нем. В конце 1989 года (и в течение 1990 года) Буш избегал говорить о том, что холодная война закончилась. На пресс-конференции в Брюсселе он объяснил: «Если я дам понять, что холодной войны больше нет, то сразу возникнет вопрос, что тогда там делают наши войска»⁴⁶. Во время ключевой беседы с Колем в Кэмп-Дэвиде 24 февраля 1990 года президент Буш заверил западногерманского канцлера: «Мы не боимся призраков прошлого – их боится Маргарет», тем самым явно выражая, что США поддерживают объединение Германии, невзирая на британское (и французское) несогласие. На той же встрече Буш также подчеркнул приоритет НАТО над СБСЕ. Он заявил, что «вопрос Германии не должен стать центральным» на саммите СБСЕ, а сам саммит может использоваться «для подрыва членства Германии в НАТО в полном объеме». Буш считал, что «СБСЕ не может заменить НАТО в качестве основы западной стратегии сдерживания в Европе и убедительного оправдания присутствия там американских войск», и заявил, что «если это произойдет, у нас будет реальная проблема»⁴⁷. На совещаниях в Вашингтоне (округ Колумбия) в июле 1990 года советники Буша подчеркивали, что об усилении роли СБСЕ за счет НАТО не может быть и речи. В своем меморандуме, направленном Бушу, Бейкер прямо предупредил президента, что «СБСЕ представляет для НАТО реальную опасность»⁴⁸. Однако в отсутствие реальных военных угроз в Европе будущая структура и роль НАТО и то, как Альянс будет координировать свою деятельность с ЕЭС/ЕС и организациями, подобными СБСЕ/ОБСЕ, оставалось неясным до середины 1990-х годов.

Укрепление институтов времен холодной войны.

Основываясь на архивных данных, историки Мэри Саротт, Хэл Брандс, Джошуа Шифринсон, Джеффри Энгель и Кристиан Остерманн убедительно показали, что в 1990 году Запад под руководством США решил

не экспериментировать с новой общеевропейской и открытой структурой безопасности (СБСЕ/ОБСЕ с участием Советского Союза), а увековечивать «институты безопасности времен холодной войны» (НАТО и ЕЭС без Советского Союза) и опираться на них в будущем⁴⁹. США и ФРГ использовали риторику укрепления СБСЕ и общеевропейской безопасности в основном для нивелирования своей стратегии «примата НАТО» с целью ослабить советское (а первоначально также британское и французское) сопротивление объединению Германии. В публичных выступлениях и на встречах со своими советскими коллегами в 1990 году американские должностные лица обещали, что европейская безопасность будет основана на интеграции и сотрудничестве, а НАТО отойдет на задний план⁵⁰. Таким образом, в 1990 году Горбачева заверили, что Запад ограничит влияние НАТО и повысит роль общеевропейского СБСЕ.

Утрата духа сотрудничества. Вот почему современные историки все чаще говорят об «отказе от духа безопасности на основе сотрудничества»⁵¹. Наряду с нежеланием обсуждать якобы имевшее место «нарушенное обещание» о нерасширении НАТО на восток (обещании, которое в значительной степени основано на выборочном или тенденциозном толковании доступных доказательств, как показано ниже), западные историки признают, что в 1990 году Советскому Союзу была обещана всеобъемлющая и основанная на сотрудничестве европейская система безопасности. Однако с самого начала система европейской безопасности в 1990-х годах опиралась исключительно на НАТО (без участия России

46 Пресс-конференция президента Джорджа Буша-старшего в Брюсселе 4 декабря 1989 года в *Public Papers of the President* (PPP). 16 декабря 1989 года он снова публично выступил против изоляционизма и «горбимании»: «Я не хочу видеть нас отделившимися от Европы; я не хочу вывода оттуда наших войск». Совместная пресс-конференция, Сент-Мартин, 16 декабря 1989 г. Цитируется по Engel J. A. Bush, Germany, and the Power of Time: How History Makes History // *Diplomatic History*. 2013. Vol. 37. No. 4. Pp. 639-663, здесь: p. 655f.

47 Memorandum of Conversation. Bush-Kohl. Camp David, 24 February 1990 // Savranskaya S., Blanton T. *The Last Superpower Summits*. Pp. 601-607, здесь: pp. 603 and 605.

48 Цитируется по: Shiffrinson J. R. I. Deal or No Deal? The End of the Cold War and the U.S. Offer to Limit NATO Expansion // *International Security*. 2016. Vol. 40. No. 4. Pp. 7-44, здесь: с. 31.

49 См.: Sarotte M. E. 1989: *The Struggle to Create Post-Cold War Europe*. Princeton: Princeton University Press, 2009; Deudney D. and Ikenberry G. J. The Unravelling of the Cold War Settlement // *Survival*. 2009-2010. Vol. 51. No. 6. Pp. 39-62; Engel J. A. Bush, Germany, and the Power of Time...; Brands H. *Making the Unipolar Moment: U.S. Foreign Policy and the Rise of the Post-Cold War Order*. Ithaca: Cornell University Press, 2016. Pp. 279-298; Shiffrinson J. R. I. Deal or No Deal?; Ostermann C. The United States and German Unification.

50 Эти обещания были частью так называемых «Девяти заверений» администрации США, которые Бейкер передал Горбачеву в мае 1990 г., чтобы получить советское согласие на членство в НАТО объединенной Германии. Укрепление ОБСЕ было обещано в пункте 8.

51 Nünlist C. Contested History. P. 20; Shiffrinson J. R. I. Deal or No Deal? P. 11. В 2014 г. Михаил Горбачев назвал расширение НАТО на восток «нарушением духа заявлений и заверений, данных нам в 1990 г.». См.: Kórshunov M. Mikhail Gorbachev: I Am against All Walls // *Russia behind the Headlines*. 16 October 2014. Доступно на http://rbth.com/international/2014/10/16/mikhail_gorbachev_i_am_against_all_walls_40673.html

и без права России налагать вето). Для обозначения опоры Запада на существующие институты (например, НАТО и ЕЭС) Мэри Саротт ввела термин «заготовленная модель». Тем не менее, стоит отметить, что после 1990 года НАТО и амбициозное ЕЭС/ЕС изменили свои внутренние структуры и функциональные цели⁵². Опросы общественного мнения тех времен однозначно указывают на то, что идея вступления в НАТО не пользовалась широкой поддержкой населения в странах Центральной и Восточной Европы (за исключением Польши). Присоединение к НАТО, как свидетельствуют опросы, было, скорее, проектом новых руководящих элит, боявшихся возрождения коммунистов. В то время большинство населения придерживалось нейтралитета⁵³.

Роль ЕЭС в формировании новой Европы. Хотя основное внимание в американских научных исследованиях уделяется НАТО, Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) оказало не меньшее влияние на развитие событий до и после принятия Парижской хартии. ЕЭС сыграло важную роль в формировании новой Европы и, пусть и непреднамеренно, но тоже внесло свой вклад в перечень упущенных возможностей. Уже в январе 1989 года члены ЕЭС стали призывать страны Восточной и Центральной Европы стать частью «общей судьбы» «Европейского союза» через ЕЭС, а не СБСЕ⁵⁴. Расширение ЕЭС с присоединением Греции (1981 г.), Португалии и Испании (1986 г.) открыло двери для других бывших диктатур, и европейская интеграция начала набирать обороты еще до падения Берлинской стены⁵⁵. Примечательно, что

на внутренних дискуссиях ЕЭС в конце 1980-х годов относительно присоединения к Сообществу стран Центральной и Восточной Европы Советский Союз даже не упоминался⁵⁶.

«Мы победили, а они проиграли». Светлана Савранская, одна из ведущих историков по периоду окончания холодной войны в Европе, недавно подчеркнула: «Нередко забывается, что зимой и весной 1990 года «общий европейский дом» был по-прежнему вполне реальным вариантом, который рассматривался наряду с другими»⁵⁷. Ключевой вопрос: когда и почему «выбор СБСЕ» был снят с повестки дня? Оглядываясь назад, кажется, что «шанс СБСЕ» в 1989-1990 годах был упущен еще до того, как превратиться в реальный. К середине 1990 года первоначальная советская цель саммита СБСЕ и расплывчатые представления об общеевропейской структуре потерпели крах. Перед лицом надвигающейся экономической катастрофы Горбачеву пришлось согласиться на членство объединенной Германии в НАТО – его вынудили «продать» (по выражению Роберта Гейтса) изменение позиции по Германии. Через девять дней после падения Берлинской стены Кондолиза Райс описала членство объединенной Германии в НАТО как «худший кошмар Советского Союза», который «вырвет сердце из советской системы безопасности»⁵⁸. Несмотря на это, встретившись в Кэмп-Дэвиде 24 февраля 1990 года для обсуждения западных условий объединения Германии, Буш и Коль все же согласились на полное членство Германии в НАТО. Буш воспринимал Горбачева не как (будущего) партнера, а как (побежденного) врага. Говоря о позиции Советского Союза в отношении членства Германии в НАТО, он заявил: «К черту это! Мы победили, а они проиграли. Мы не можем позволить Советам вырвать победу в последнюю минуту»⁵⁹. При подготовке встречи с Коле в Кэмп-Дэвиде, Скоукрофт

52 В то время как американские исследователи, изучающие 1990 год, при описании «заготовленной модели» концентрируются на НАТО, в историографии США уделялось гораздо меньше внимания сохранению и укреплению после 1990 г. ЕЭС/ЕС – еще одного порождения холодной войны. ЕЭС обсуждало процесс 1992 года еще до распада Советского Союза.

53 Об этом важно, но нередко упускаемом из виду факте говорится в Mastny V. The Cold War and European Security Identity // F. Palermo et al. (eds.). *Globalization, Technologies and Legal Revolution*. Baden-Baden: Nomos, 2012. Pp. 317-342, здесь: с. 337.

54 Выступление Лорен Крамп-Габреэлс на семинаре в Вене 6 ноября 2017 г. Цитаты приводятся по архивным документам Министерства иностранных дел Нидерландов. Из них четко видно, что уже в конце 1980-х гг. говорилось о примате ЕЭС над СБСЕ, и что именно ЕЭС должно определять будущую европейскую архитектуру. О примате ЕЭС над СБСЕ в 1990 г. говорил и Стефан Лехне на нашем семинаре по «устной истории», состоявшемся в Париже 5 сентября 2017 г.

55 См.: Ludlow N. P. Not a Wholly New Europe: How the Integration Framework Shaped the End of the Cold War in Europe // F. Bozo et al. (eds.). *German Reunification*. P. 139.

56 Выступление Лорен Крамп-Габреэлс на семинаре в Вене 6 ноября 2017 г. по результатам ее изучения голландских архивов.

57 Savranskaya S. The Fall of the Berlin Wall... P. 349.

58 Скоукрофт – Бушу (подготовлено Кондолизой Райс). The German Question. 20 ноября 1989. Цитируется по: Shiffrinson J. R. I. Deal or No Deal? P. 20.

59 Savranskaya S., Blanton T. *The Last Superpower Summits*. P. 604f. В телефонном разговоре 28 февраля 1990 г. Буш сообщил Горбачеву о новой позиции США, но 6 марта 1990 г. Горбачев по-прежнему настаивал на том, что членство объединенной Германии в НАТО «абсолютно исключено». Ostermann C. The United States and German Unification. P. 112f. Только 31 мая 1990 г. Горбачев согласился с тем, что объединенная Германия могла выбирать альянс по своему усмотрению в соответствии с Хельсинским Заключительным актом 1975 года. См.: Karner S. et al. (eds.). *Der Kreml...* P. 94.

обратил внимание Буша на важность этого события и предупредил о негативных последствиях для американо-советских отношений. «Мы собираемся вступить в самый сложный для европейской политики США период с момента образования НАТО в 1949 году», – сказал он. «Поскольку объединение Германии осуществляется, по сути, исключительно «на условиях Запада», – подчеркнул он, – нельзя исключать перехода на курс конфронтации с Советами»⁶⁰.

Предрешенное содержание саммита. К февралю 1990 года видение СБСЕ в центре системы европейской безопасности, безусловно, утратило актуальность. «Немецкий вопрос» был рассмотрен вне рамок СБСЕ, что фактически положило конец обсуждению новой общеевропейской системы безопасности. По иронии судьбы, когда государства-участники СБСЕ собрались наконец в Вене для проведения многосторонних переговоров о декларации Парижского саммита, основная часть ее содержания уже была определена на саммите НАТО в июле 1990 года в Лондоне. Руководители НАТО предложили, чтобы на саммите СБСЕ в Париже «было решено, каким образом СБСЕ может быть институционализировано, чтобы предоставить форум для расширенного политического диалога в более объединенной Европе», включая программу регулярных консультаций на высоком уровне, обзорные конференции, небольшой секретариат, механизм мониторинга выборов во всех государствах-участниках СБСЕ, Центр по предотвращению конфликтов для обмена военной информацией, обсуждение необычной военной деятельности и посредничество в спорах между государствами-членами, а также парламентский орган»⁶¹.

Посеянные семена раздора. Изъяны избранного подхода дали о себе знать только в XXI-ом веке, когда стали очевидны негативные долгосрочные последствия ориентации исключительно на Североатлантический альянс с его закрытостью, а не на открытое для всех СБСЕ. Сотрудничество между Москвой и Западом сменилось враждебностью между Россией и Западом. 18 мая 1990 года Шеварднадзе предупредил, пророчески предвидя знаменитое выступление Ельцина в декабре 1994 года с объявлением «холодного мира», что Запад заплатит за членство Германии в НАТО: «Если

объединенная Германия станет членом НАТО, то перестройке придет конец. Наши люди нас не простят. Они скажут, что мы проиграли, а не победили»⁶². Горбачев все еще продолжал смотреть на будущее советско-западное партнерство с оптимизмом. 21 мая 1990 года он предложил в разговоре с Александром Дубчеком (в то время председателем Федерального парламента Чехословакии), что «если объединенная Германия присоединится к НАТО, то, возможно, нам тоже следует присоединиться к этому союзу» – идея, которую он обсуждал с Бейкером в середине мая и еще раз в июне 1990 года во время Вашингтонского саммита⁶³. Его предложения никогда не воспринимались на Западе всерьез. И хотя Горбачев был сторонником построения системы европейской безопасности после окончания холодной войны с опорой на СБСЕ, к середине мая 1990 года он, похоже, осознал, что будущей опорой европейской безопасности станет НАТО, и даже размышлял о возможном членстве в Альянсе, лишь бы не допустить, что Советский Союз окажется единственной страной, исключенной из новой архитектуры европейской безопасности.

«Ни на дюйм». Вопрос о том, обещали ли Вашингтон и Бонн Советскому Союзу с февраля по июль 1990 года, что НАТО не будет расширяться дальше на восток, вызвал жаркие научные споры. Большинство ученых согласны в том, что в феврале 1990 года предметом переговоров были только объединение Германии и территория ГДР. Будущее членство в НАТО Польши, Венгрии или Чехословакии с Горбачевым не обсуждалось. В то время (февраль 1990 г.) роспуск Варшавского договора был еще немыслим, даже если новые правительства стран Центральной и Восточной Европы и предполагали, что Варшавский договор будет преобразован из военного в

60 Скоукрофт – Бушу. 14 февраля 1990 г. Цитируется по: Engel. J. A. When the World Seemed New. P. 335.

61 См.: НАТО. *Лондонская декларация о преобразованном Североатлантическом союзе*. 6 июля 1990 г. Параграф 22.

62 Savranskaya S., Blanton T. *The Last Superpower Summits*. P. 639.

63 Цитата приводится в Savranskaya S. *The Fall of the Berlin Wall*. P. 350. 18 мая 1990 г. Горбачев спросил Бейкера: «В конце концов, вы сказали, что НАТО не направлена против нас, вы сказали, что это будет новая Европа, тогда почему бы нам в нее не вступить?». Цитируется по: Engel. J. A. When the World Seemed New. P. 370.

политический альянс⁶⁴. Единственным случаем, который можно расценить как возможное подтверждение «нарушенного обещания», является разговор между Геншером и Бейкером 2 февраля 1990 года, когда Геншер излагал свой план: «НАТО не будет расширять свое территориальное присутствие на ГДР или где-либо еще в Восточной Европе»⁶⁵. Однако Буш в своем письме Колю 9 февраля 1990 года четко заявил, что США хотят видеть в НАТО объединенную Германию. ГДР будет пользоваться «особым военным статусом» в рамках НАТО. Он также дал понять, что присутствие вооруженных сил США с ядерным оружием на территории Германии не подлежит обсуждению⁶⁶. Это расставляло точки над

«i» и устраняло всякую двусмысленность⁶⁷. Наконец, руководители НАТО на своем саммите в Лондоне в июле 1990 года вновь пообещали превратить альянс из военного пакта в политическую организацию и «повысить роль СБСЕ в будущей Европе»⁶⁸. Они заявили, что холодная война закончилась и обратились к Советскому Союзу и Варшавскому пакту как будущие партнеры⁶⁹. В течение непродолжительного периода открытого окна возможностей американо-советское партнерство в новом мировом порядке работало действительно хорошо. Когда 2 августа 1990 года Саддам Хусейн вторгся в Кувейт, Горбачев поддержал Запад против бывшего советского союзника Ирака. Однако трансформация НАТО из военного союза в политический была прекращена, когда Западу потребовалось задействовать и НАТО, и ее союзников для подготовки к войне в Персидском заливе 1991 года и ведения там реальных боевых действий. В то время НАТО была единственной структурой, которую США могли использовать для координации военных операций со своими европейскими союзниками на многосторонней основе⁷⁰.

План Геншера. Активная, но противоречивая роль Геншера в развитии событий с января по июль 1990 года является одним из ранее малоисследованных, но увлекательных кусочков головоломки. В 2012

64 См.: Nünlist C. Contested History. P. 20; Nünlist C. Krieg der Narrative: Das Jahr 1990 und die NATO-Osterweiterung // *Sirius: Zeitschrift für strategische Analysen*. 2018. Vol. 2. No 3. Kramer M. The Myth of a No-NATO-Enlargement Pledge to Russia // *Washington Quarterly*. 2009. Vol. 32. No. 2. Pp. 39-61. См. также: Karner S. et al. (eds.). *Der Kreml...* P. 64. Иная точка зрения изложена в Savranskaya S., Blanton T. What Gorbachev Heard // *National Security Archive Briefing Book*. 2017. No. 613. Доступно онлайн на <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2017-12-12/nato-expansion-what-gorbachev-heard-western-leaders-early>.

65 Цитата приводится в: Shiffrinson J. R. I. Deal or No Deal? P. 22. Геншер представил свой план в речи в Тутцинге 31 января 1990 г. Перед выступлением он не консультировался с Колем. Пообещав не расширять НАТО и не включать территорию ГДР в военные структуры НАТО, Геншер хотел дать Советскому Союзу гарантии безопасности, чтобы получить согласие Москвы на объединение Германии. См.: Spohr K. Precluded or Precedent-setting? Pp. 13-18. Геншер также упомянул Польшу (немецкие протоколы) и Венгрию (британские протоколы) в беседе с главой британского МИДа Дугласом Хердом 6 февраля 1990 г., подчеркнув, что Москве нужна уверенность, что эти страны не присоединятся к НАТО, если покинут Варшавский договор. См.: Spohr K. Precluded or Precedent-setting? P. 20. Этот же аргумент Геншер повторил в Риме 21 февраля 1990 г. на переговорах с итальянским правительством, см.: Möller H. et al. (eds.). *Die Einheit: Das Auswärtige Amt, das DDR-Aussenministerium und der Zwei-plus-Vier-Prozess*. Göttingen: V & R, 2015. P. 289.

66 См.: Küsters H. J., Hofmann D. *Deutsche Einheit: Sonderedition aus den Akten des Bundeskanzleramtes 1989/90*. Munich: Oldenbourg, 1998. Doc. 170. Письмо Коля знаменует официальный отказ от «формулировки Тутцинга» Геншера для объединения Германии. Для Буша было важно, чтобы статья 5 устава НАТО также включала защиту территории ГДР. Свою новую позицию Буш подтвердил на встрече с Колем в Кэмп-Дэвиде 24-25 февраля 1990 г.

67 См.: Teltschik H. *329 Tage: Innenansichten der Einigung*. Berlin: Siedler, 1991. P. 183. См. также: Spohr K. Precluded or Precedent-setting? Pp. 43f. Когда Геншер в публичном выступлении в Люксембурге 23 марта 1990 г. продолжил продвигать свою идею роспуска НАТО и Варшавского договора и создания структуры коллективной безопасности, Коля написал ему резкое письмо, отчитав за позицию, отличавшуюся от официальной позиции ФРГ. См.: Коля – Геншеру. 23 марта 1990 г. в: Möller. *Die Einheit...* Pp. 380f.

68 НАТО. Лондонская декларация о преобразованном Североатлантическом альянсе. 6 июля 1990 г. Пункт 21. В своем вступительном слове генеральный секретарь НАТО Манфред Вёрнер заявил: «Холодная война принадлежит истории». North Atlantic Council. Verbatim Record, London. 5 July 1990. Доступно онлайн на <http://www.nato.int/cps/en/natolive/116133.htm>. 7 июня 1990 года политические лидеры Варшавского договора тоже заявили об окончании блокового мышления и разделения Европы. В их заявлении отмечалось, что идеологические образы врагов остались в прошлом. См.: Mastny V. and Byrne M. (eds.). *A Cardboard Castle? An Inside History of the Warsaw Pact, 1955-1991*. Budapest: CEU Press, 2005. P. 676.

69 Еще на саммите на Мальте 2-3 декабря 1989 года Буш-старший и Горбачев дали обещание не нападать друг на друга, подчеркнув, что и страх перед ядерной войной, и холодная война остались в прошлом. Chernyaev A. *Excerpt from Diary*. 2 January 1990. Доступно онлайн на <http://nsarchive.gwu.edu>.

70 См.: Выступления Филипа Ремлера и Уильяма Хилла на семинаре в Вене 6 ноября 2017 г.

году Кристина Спур ответила практически на все вопросы, связанные с ролью Геншера в дискуссиях о «нарушенном обещании» не расширять НАТО. Геншер был убежденным сторонником создания европейской системы безопасности в Европе после окончания холодной войны на основе новой общеевропейской структуры. Выступая в январе 1990 года в Тутцинге, он предложил распустить и НАТО, и Варшавский договор. На решающих встречах в Вашингтоне в начале февраля Бейкер поддержал «формулировку Тутцинга» Геншера, но 9 февраля 1990 года президент Буш разъяснил позицию США, основанную не на геншеровской «формулировке Тутцинга» (туманном обязательстве НАТО не расширяться на восток), а на специальном военном статусе для ГДР. Но до весны 1990 года в Вашингтоне по-прежнему опасались, что Коль и Горбачев могут заключить сепаратную сделку, и что «НАТО придет конец»⁷¹. Коль поддержал стратегию Буша о «примате НАТО», однако Геншер продолжал продвигать свой вариант с СБСЕ, пусть и в качестве плана «Б» на случай, если Горбачев так и не согласится на полное членство Германии в НАТО. В середине мая 1990 года Горбачев все еще предупреждал Бейкера, что «объединенная Германия в НАТО будет угрожать стабильности, которая существовала в течение последних 45 лет», добавляя, что «это будет концом перестройки»⁷². Увлеченность Геншера идеей СБСЕ тактически играла на руку Коль, поскольку общеевропейская риторика помогала в мае-июле 1990 года добиться согласия Горбачева на членство Германии в НАТО.

Альтернативная концепция Эгона Бара. Весной 1990 года Геншер не был единственным западным политиком, который все еще пытался убедить советских лидеров в том, что холодная война закончилась, и что альтернативные меры безопасности, основанные на новом партнерстве между Советским Союзом и Западом, должны базироваться на новой европейской системе безопасности, заменяющей и НАТО, и Варшавский договор. 27 февраля 1990 года Эгон Бар и Карстен Фойгт встретились с Александром Яковлевым и Валентином Фалиным для обсуждения объединения Германии и архитектуры безопасности в Европе. Бар утверждал, что в Западной Германии «практически нет никого, кто хотел бы форсировать объединение, если не считать

отдельных руководителей ХДС/ХСС». Он выступал за создание Центрально-Европейской зоны безопасности, в которую входили бы Дания, страны Бенилюкса, два германских государства, Польша, ЧССР и Венгрия, а также США и СССР, и учреждения при ней «Совета европейской безопасности». Предполагалось, что все национальные вооруженные силы будут подчиняться единому командованию. Для Бара это была концепция безопасности для «Общего европейского дома». НАТО нельзя позволить расширяться в Центральную Европу. Фалин высоко оценил предложение Бара, поскольку во главу угла в нем ставилось не продолжение противостояния, а партнерство с будущим добрым соседом⁷³.

«СБСЕ – всего лишь мечта». 18 мая 1990 года Бейкер представил Горбачеву «Девять заверений», в том числе обещание постараться «...превратить СБСЕ в постоянный институт, который станет важным краеугольным камнем новой Европы». Когда Горбачев стал говорить о необходимости замены НАТО и Варшавского договора и создании новых структур безопасности, Бейкер заметил: «Приятно обсуждать общеевропейские структуры безопасности и роль СБСЕ. Это чудесная мечта, но не более того. А в реальности существует НАТО...»⁷⁴. В ретроспективе Горбачев, которого в 1987 и 1989 годах журнал *Time* назвал «Человеком года», теперь выглядит трагической фигурой. В современной исторической памяти в России и отчасти на Западе Горбачев воспринимается как руководитель, проигравший не только холодную войну, но и наступивший за ней мир. До падения Берлинской стены Горбачев был на пике популярности в Западной Европе, а его видение «общего европейского дома» и идею «Хельсинки-2» разделяли многие видные деятели. Весь 1989 год администрацию Буша-старшего действительно тревожило, что США проигрывают Горбачеву «состязание в популярности», поскольку западноевропейцы отмечали очевидное

71 Цитируется по Ostermann C. The United States and German Unification. P. 109.

72 Меморандум разговора между Горбачевым и Бейкером 18 мая 1990 г. Цитируется по: Engel. J. A. When the World Seemed New. P. 360.

73 Стенограмма этой встречи была впервые опубликована в 2015 г. в Karner S. et al. (eds.). *Der Kreml...* Pp. 195-203 (немецкий перевод).

74 Savranskaya S., Blanton T. *The Last Superpower Summits*. P. 626-652, здесь: p. 635. Интересно отметить, что на том же заседании Горбачев предположил, что Советский Союз также может вступить в НАТО, если Запад настаит на членстве в НАТО объединенной Германии. Горбачев сказал: «Наше потенциальное членство в НАТО – не такая уж дикая фантазия. В конце концов, в свое время уже существовала большая коалиция, так почему же это невозможно сейчас?» (P. 639).

отставание руководства США в инициативности и эффективности⁷⁵.

Просчеты Горбачева. Сегодня архивные документы не оставляют сомнений в том, что с ноября 1989 года по февраль 1990 года удача перешла на другую сторону. Теперь тон в развитии событий задавали Буш и Коль: они форсировали объединение Германии и проводили в жизнь стратегию «примата НАТО». Заверив Францию и Великобританию, что НАТО позволит держать под контролем возрождающуюся Германию, тандем Буша-Коля положил конец «чудесной мечте» Горбачева (как и Миттерана, и Геншера, и Бара) о создании новой общеевропейской системы безопасности на основе СБСЕ. Одним из первых это заметил сам Горбачев. Когда Коль представил свою программу объединения Германии из 10 пунктов, 5 декабря 1989 года советский лидер с горечью пожаловался Геншеру и обвинил Бонн в том, что форсированием решения «немецкого вопроса» он «подготовил похороны для европейского процесса»⁷⁶. Горбачев такого явно не ожидал. По свидетельству Чернышева и других очевидцев, в 1989-1990 годах Горбачев и Политбюро уделяли вопросам внешней политики (включая Германию) лишь «5-6 процентов» своего времени⁷⁷. Как следует из недавно рассекреченной стенограммы заседания Политбюро, 26 января 1990 года Горбачев все еще сохранял оптимизм. Он полагал в тот период, что при поддержке Франции и Великобритании мог выиграть время и отложить объединение Германии «на несколько лет»⁷⁸. Но это новое доказательство ясно показывает, что в преддверии своих встреч с Бейкером и Колем в феврале 1990 года Горбачев в конце января 1990 года по-прежнему не сомневался, что Варшавский договор сохранится, и что Советский Союз может использовать присутствие 350-тысячного контингента советских войск в ГДР в качестве рычага для перенесения объединения Германии на более поздний срок.

Редкое единство взглядов. Венские переговоры в рамках СБСЕ летом 1990 года о декларации Парижского саммита быстро продвигались вперед, не встречая особых разногласий, поскольку Горбачев разделял все западные ценности и принципы и положил конец идеологическому противостоянию, которое с 1975 года являлось для Хельсинкского процесса настоящим бедствием. Венский подготовительный комитет воспользовался редким совпадением трактовок хельсинских принципов Западом и Востоком, которые на несколько лет действительно стали общепринятыми принципами. Такое единство взглядов не появилось вдруг в 1990 году – скорее, оно было тем краеугольным камнем, на котором держалось все «новое мышление» Горбачева. Поскольку при Горбачеве Советский Союз все больше смещался к позиции западной социал-демократии, точнее будет говорить о «преобразовании» взглядов, чем об их «конвергенции»⁷⁹. С этой точки зрения, «дорога в Париж» началась где-то между 1985 и 1987 годами. Один очевидец событий подчеркнул, что в июне 1990 года документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ был согласован за рекордные десять дней, что предвещало успешность и плодотворность работы Подготовительного комитета⁸⁰. Такое единство взглядов наблюдалось до середины 1990-х годов и стало главным наследием Парижской хартии. Тот факт, что государства-участники СБСЕ в 1991 году согласились с тем, что государственный суверенитет не является высшей ценностью, и что нарушения прав человека могут повлечь за собой международное вмешательство, означают важную – пусть и временную, как показали дальнейшие события, – новую интерпретацию Хельсинкского Заключительного акта. Принципы суверенитета и невмешательства с одной стороны и самоопределения и защиты прав человека с другой стороны всегда противоречили друг другу. Но в начале 1990-х Восток и Запад впервые с 1975 года имели единую точку зрения в отношении этих Хельсинкских принципов⁸¹.

75 Об этом говорила Светлана Савранская на нашем семинаре по «устной истории» в Париже 5 сентября 2017 года. С развернутым анализом неуверенности и беспокойства, которые испытывала администрация Буша-старшего на раннем этапе нахождения у власти в связи с большей популярностью Горбачева в Европе и его инициативами в сфере безопасности, см.: Blanton T. U.S. Policy and the Revolutions of 1989 // S. Savranskaya et al. (eds.). *Masterpieces of History*. Pp. 49-98, здесь: pp. 66-71.

76 Savranskaya S. et al. (eds.). *Masterpieces of History*. P. 655.

77 Taubmann W. *Gorbachev: His Life and Times*. New York: Norton, 2017. P. 465.

78 Karner S. et al. (eds.). *Der Kreml...* Pp. 58ff.

79 Выступление Баренда тер Хаара на нашем семинаре в Вене 6 ноября 2017 г.

80 Выступление Андеря Загорского на нашем семинаре по «устной истории» в Париже 5 сентября 2017 г.

81 См.: Bloed A. OSCE Principles: Which Principles? // *Security and Human Rights*. 2014. Vol. 25. No. 2. Pp. 210-220.

Нарративы как препятствия; нарративы как возможности

Мы твердо уверены в том, что важно не уклоняться от обсуждения существующего «столкновения нарративов» об эволюции европейской системы безопасности после окончания холодной войны. Мы разделяем убежденность подготовленного в 2015 году доклада Группы видных деятелей по европейской безопасности в том, что исторические нарративы отравляют сегодняшний политический климат и негативно влияют на отношения между Россией и Западом. Существующие противоречия версий необходимо разрешать и активно использовать для борьбы с прошлым и преодоления ошибочных представлений, основанных, главным образом, на мифах, а не исторических фактах и строго обоснованном понимании. В этом смысле, исторические версии являются не препятствием в продвижении вперед, а, скорее, важным ресурсом в деле проведения диалога о недавнем прошлом.

Исторические аналогии. Использование прошлого и уроков истории для борьбы с сегодняшней конфронтацией в рамках ОБСЕ является весьма непростой задачей. Однако то, что бремя прошлого сводит на нет текущую дискуссию о роли России в Европе, не вызывает сомнения. К историческим аналогиям часто обращаются в дискуссиях о природе существующего положения дел или при попытках объяснить, каким образом преисполненность радужными надеждами в 1990-х годах сменилась нынешней враждебностью. Ряд исследователей называют произошедшее «Вторым Версалем» и подвергают критике якобы имевшее место унижение России после 1991 года и отсутствие «нового плана Маршалла» для России в 1990-х годах. Другие же ставят России в упрек ее неоимперские

амбиции, претензии на особое отношение, ссылки на уникальность своей цивилизации, а также особые сферы влияния⁸². В 2014 году вновь вернулся в обращение термин «холодная война»⁸³. Однако исторические аналогии приводят к неверному восприятию. В конечном счете это даже опасно, поскольку означает, что Запад должен реагировать на предполагаемую «холодную войну 2.0» возвратом к стратегии сдерживания, от чего в свое время предостерегал Джордж Ф. Кеннан. К нынешней конфронтации между Россией и Западом неприменим ни один из ключевых атрибутов холодной войны (противоборство институционализированных блоков, идеологическое противостояние сверхдержав и глобальный характер)⁸⁴.

О Буше-старшем. Точно так же, отнюдь не просто развенчать постулаты ранних исторических школ, таких как «Победа Рейгана» или «Сдержанность Буша», путем конкретизации интерпретаций. На основании архивных источников и последней историографии, роль президента Буша-старшего в 1989-1990 годах, какой она представлялась в предыдущих исследованиях, должна быть пересмотрена. Раньше и во время первой волны историографии Буша восхваляли за сдержанность и осторожность внешней политики США в бурный период революций 1989 года, что способствовало мирному окончанию холодной войны в Европе. Новые исследования, основанные на рассекреченных документах, подчеркивают утрату темпа в сближении СССР и США, набранного после установления взаимного доверия между Рейганом и Горбачевым. Буш относился к намерениям Горбачева более скептически. Своим затянувшимся процессом пересмотра внешней политики — знаменитой «паузой Буша» — он перевел американско-советские отношения в режим ожидания практически

82 См.: Nünlist C. Contested History. P. 12. См. также: Lo B. *Russia and the New World Disorder*. Washington, DC: Brookings, 2015.

83 См.: Legvold R. *Return to Cold War*. Cambridge: Polity Press, 2016. О «новой холодной войне» заговорили после выхода в свет в 2007 г. книги Эдварда Лукаса с аналогичным названием.

84 См.: Nünlist C. Contested History. Pp. 16-18.

на весь 1989 год и оставил прорывные предложения Горбачева по контролю над вооружениями без ответа⁸⁵.

Победа Буша-старшего. В настоящее время историки критически оценивают стратегию Буша в 1990 году о «примате НАТО», которая увековечивала структуры «холодной войны» («заготовленная модель» Мэри Саротт) и придавала им новый импульс, не позволяя создать более устойчивую общеевропейскую систему безопасности вместе с Советским Союзом / Россией, а не против Советского Союза / России. Отдавая должное Бушу за активную и успешную дипломатию, которая привела к объединению Германии, историки также согласны в том, что администрация Буша, по сути, отказалась в 1990 году от духа сотрудничества при обсуждении с Горбачевым структуры европейского порядка после окончания холодной войны⁸⁶. Почему Горбачев, в конце концов, согласился на членство Германии в НАТО, а не наложил на него вето? Его биограф Уильям Таубман утверждает, что «Девять заверений» Бейкера убедили советского лидера, что после холодной войны Советский Союз станет частью Запада и партнером США и Германии в Европе⁸⁷.

О Хельсинкском процессе. Восторженные нарративы («мы победили») характерны для практически всей западной историографии по Хельсинкскому процессу, который привел к окончанию холодной войны и принятию Парижской хартии 1990 года. Общим местом в западных источниках является утверждение, что внесением в Хельсинкский Заключительный акт 1975 года положений о правах человека Запад обвел СССР вокруг пальца, поскольку тот наивно подписал его, не сознавая последствий. Тем самым создается причинно-следственная связь между Актом 1975 года, диссидентами 1989 года и падением Берлинской стены. Подобно заявлениям о «Победе Рейгана» или «Победе Буша», это превращает холодную войну в «игру с нулевой суммой», в которой Запад оказывается победителем. Как отмечает Лорен Крамп-Габреэлс, это весьма сомнительно,

поскольку СБСЕ на самом деле пыталось выйти за рамки игры с нулевой суммой, доминировавшей во времена холодной войны, и отчасти даже преуспело в этом. Тот факт, что в 1975 году советская делегация также одобрила права человека как принцип, выносится за скобки и не принимается во внимание⁸⁸.

Параллельные процессы. В 1990 году происходили два параллельных исторических процесса, осложняющих понимание значения Парижской хартии 1990 года. Для разных участников она означала разные вещи. С одной стороны, поскольку она знаменовала завершение холодной войны, Буш-старший видел в Парижской хартии признание победы Запада в холодной войне и решение проблем прошлого. С другой стороны, поскольку речь шла о создании новой общеевропейской системы безопасности, Советский Союз видел в Парижской хартии начало нового порядка и инструмент решения проблем в будущем⁸⁹. Парижская хартия, возможно, является наиболее четким выражением общего для Запада и России видения будущего. Однако такое общее видение сохранялось недолго. Возникло параллельное видение расширенной Западной Европы, в которой России не было места. Это новое разделение Европы стало очевидным в 2014 году, но в ретроспективе оно прослеживается еще с событий в Косово в 1999 году (если не уже после 1994 года, когда инициатива по предоставлению членства в НАТО нескольким избранным странам Варшавского договора возобладала над идеей США 1994 года о предоставлении статуса партнера Альянса всем желающим)⁹⁰. Отдельные историки, в том числе Мэри Саротт и Джошуа Шифринсон, относят зарождение сегодняшнего противостояния к февралю 1990 года и стратегии «примата НАТО» Джорджа Буша-старшего. В

85 Это подтвердили Анатолий Адамишин и Андрей Загорский на нашем семинаре по «устной истории», который состоялся в Париже 5 сентября 2017 г.

86 См.: Shiffrin J. R. I. Deal or No Deal?; Ostermann C. United States...; Engel. J. A. Bush, Germany, and the Power of Time; Sarotte M. E. 1989...; Brands H. *Making the Unipolar Moment...*; Deudney D. and Ikenberry G. J. *The Unravelling of the Cold War Settlement*.

87 См.: Taubmann W. *Gorbachev...* Pp. 548, 565. Важную роль сыграло то, что 25 мая 1990 г. Миттеран известил Горбачева об отказе Франции поддержать возражения СССР против членства Германии в НАТО.

88 Выступление Лорен Крамп-Габреэлс на нашем семинаре, который проходил в Вене 6 ноября 2017 г. Глава советской делегации в СБСЕ в 1975 году Юрий Кашлев спросил свою жену: «Ты поддержишь меня, если я приму решение, из-за которого могу лишиться работы?» Он отлично понимал, что вопрос о правах человека являлся возможностью оказания давления на Политбюро и осознанно выступил в поддержку человеческого измерения.

89 Выступление Лорен Крамп-Габреэлс на нашем семинаре, который проходил в Вене 6 ноября 2017 г. Российское восприятие было подтверждено Андреем Загорским на нашем семинаре по «устной истории», прошедшем в Париже 5 сентября 2017 г.

90 Необходимо отметить, что большинство сотрудников администрации Буша, а также Пентагона при президентстве Клинтона не хотели продвижения НАТО на восток, утверждая, что прием новых стран не укрепит безопасность, а лишь увеличит бремя расходов на оборону. Об этом говорил Филип Ремлер на семинаре в Вене 6 ноября 2017 г.

апреле 1990 года Черняев при обсуждении возможного расширения НАТО за счет приема Польши, предупредил, что это будет «перенесением холодной войны в новую эру»⁹¹.

Неопределенность после холодной войны. В 1989-1990 годах (и позднее) события развивались очень быстро, и существовала большая неопределенность в отношении будущей стратегической архитектуры Европы и будущего таких институтов, как ЕЭС, НАТО и СБСЕ. Были планы по развитию как ЕЭС, так и СБСЕ, однако в 1990 году (и на протяжении всех 1990-х годов) отсутствовало понимание, каким образом ЕЭС и СБСЕ могут реально способствовать укреплению европейской безопасности⁹². Кроме того, в течение 1990 года продолжались переговоры по контролю над вооружениями, и их результаты оставались неясными. До 12 сентября 1990 года открытым оставался и щекотливый вопрос о выводе советских войск из ГДР. Все акторы оказались на незнакомой местности. Эта «неясность после холодной войны» сыграла свою роль в предпочтении, которое западные страны отдали НАТО, остерегаясь экспериментов с новыми институтами безопасности⁹³.

Непредвиденные побочные эффекты. По нашему мнению, четкого момента, когда общее парижское видение кануло в Лету, и возникла новая конфронтация между Россией и Западом, не было. Путь от Парижской хартии 1990 года до Крымских событий в 2014 году не был прямым и не представлял собой постепенный откат к враждебности – его отличал зигзагообразный характер. После 1990 года отношения между Россией и Западом осложнялись непониманием, разногласиями, прямым игнорированием друг друга и самообманом с обеих сторон. Ошибки совершали и те, и другие, но причиной ряда наиболее прискорбных в долгосрочном плане событий стали, в основном, непредвиденные побочные эффекты ключевых решений, которые представлялись принимающей их стороне более чем обоснованными⁹⁴. Так, при распространении либеральной демократии и рыночной экономики на восток Запад руководствовался стремлением повысить стабильность в Европе и обеспечить влияние США на второе по

величине экономическое образование на планете после окончания холодной войны. Администрация Клинтона не рассматривала расширение НАТО в качестве инструмента сдерживания России хотя бы потому, что в то время ни о какой «российской угрозе» не было и речи. Скорее, эти действия были направлены на повышение стабильности в Центральной и Восточной Европе⁹⁵. Тем не менее уже тогда несколько высокопоставленных американских государственных деятелей, в том числе Джордж Кеннан, назвали политику расширения НАТО на восток «политической ошибкой исторических масштабов» и «началом новой холодной войны», которая неизбежно вызовет «негативную реакцию со стороны России»⁹⁶.

Клубок исторических версий. История подготовки и принятия Парижской хартии 1990 года – это нечто большее, нежели просто хроника взаимодействия между Бушем-старшим и Горбачевым. Как показывают наши дискуссии, организованные Сообществом исследовательских центров ОБСЕ, существуют серьезные расхождения между «западными», «восточными» и «срединными» версиями эволюции европейской системы безопасности после 1990 года. Отличия существуют не только в нарративах США и Западной Европы. Финляндия, Швейцария, Франция, Германия, Польша, Италия, Эстония и Украина добавляют свои нюансы в описание событий, что запутывает картину событий еще больше⁹⁷. Недавно изданный превосходный двухтомник о многонациональной истории объединения Германии содержит новые ценные сведения и аналитические выкладки, хотя и посвящен расширению НАТО и объединению Германии, а не на СБСЕ и Парижской хартии⁹⁸.

Важные нюансы. Наш доклад вносит нюансы в описание процесса подготовки и принятия Парижской хартии. Судя по всему, выдвигая в своей риторике на протяжении 1990 года СБСЕ на первый план, Запад, во всяком случае,

91 См.: Taubmann W. *Gorbachev...* P. 548.

92 Выступление Уильяма Хилла на нашем семинаре в Вене 6 ноября 2017 г.

93 Выступления Уильяма Хилла и Вольфганга Целльнера на нашем семинаре в Вене 6 ноября 2017 г.

94 Выступление Уильяма Хилла на нашем семинаре по «устной истории» в Париже 5 сентября 2017 г.

95 В то же время вопрос о том, можно ли было предотвратить отчуждение России от структуры европейской безопасности, придерживаясь первоначальной стратегии Альянса «партнерства для всех» (в том числе и России), а не предлагать членство в НАТО лишь отдельным странам, представляется одним из наиболее интересных для контрфактического рассмотрения.

96 New York Times. 2 May 1998. Выступление Лорен Крамп-Габреэс на нашем семинаре, который проходил в Вене 6 ноября 2017 г.

97 См.: Zellner W. *Security Narratives in Europe*.

98 См.: Bozo F. et al. (eds.). *German Reunification: A Multinational History*; Gehler M. and Graf M. *Europa und die deutsche Einheit*.

среди прочего стремился смягчить позицию СССР, возражавшего против полного членства Германии в НАТО. О СБСЕ и общеевропейской всеобъемлющей системе безопасности говорилось в Программе объединения Германии из 10 пунктов, представленной Колем в ноябре 1989 г, в «Девяти заверениях» Бейкера в мае 1990 года, а также в лондонской Декларации НАТО в июле 1990 года. В то же время различные предложения правительства Коля и стран Центральной и Восточной Европы о том, как существенно усилить СБСЕ, в конечном итоге провалились из-за последовательного противодействия США и их скептицизма в отношении масштабной институционализации и укрепления СБСЕ за счет НАТО и ЕЭС. Долгосрочным последствием такой стратегии расширения западноевропейской интеграции только на Центральную и Восточную Европу и исключением из этого процесса России, было то, что «России не нашлось места» (по меткому выражению Уильяма Хилла) в архитектуре европейской безопасности XXI-го века⁹⁹. Примат СБСЕ/ОБСЕ никогда не рассматривался всерьез, и, соответственно, роль России тоже¹⁰⁰. Россию действительно «оставили на задворках Европы»¹⁰¹.

Шанс был упущен позже. Один из очевидцев событий тех лет подчеркнул на нашем семинаре, что Парижский саммит 1990 года не был «упущенной возможностью»¹⁰². По его мнению, возможность, скорее, была упущена позже, после саммита, когда 1) в конце 1991 года Советский Союз распался, а на место бывшей восточной сверхдержавы пришла более слабая Россия, и Москва перестала быть равноправным партнером в формировании будущей системы безопасности в Европе; 2) новый СБСЕ оказался не в состоянии предотвратить и погасить конфликты на постсоветском пространстве и Балканах и уступал набравшей обороты НАТО; 3) расширение НАТО и ЕЭС/ЕС пришло в столкновение с российской концепцией ведущей роли СБСЕ/ОБСЕ в системе общеевропейской безопасности¹⁰³. В начале 1990-х годов выяснилось, что радужные перспективы, которые открывала Парижская хартия, оказались призрачными. Недавно созданные институты СБСЕ были

слишком слабыми и запоздалыми для предотвращения насильственных конфликтов в Европе и получили недостаточную политическую и финансовую поддержку со стороны государств-участников СБСЕ. Кроме того, многие на Западе считали необходимым сохранение военного потенциала для регулирования последствий окончания холодной войны, что лишь усиливало позиции НАТО в сравнении с СБСЕ/ОБСЕ. Прежде чем делать поспешные выводы об «упущенных возможностях» 1990 года, следует (после получения доступа для исследований к рассекреченным архивным документам) подвергнуть рассмотрению 1990-е годы и динамику становления институтов европейской безопасности после принятия Парижской хартии.

Представления разных стран. Нюансы помогают нам лучше понять, как от сотрудничества мы постепенно перешли к конфронтации, чего в 1990 году не желала ни одна из сторон. Предложенная нами реконструкция событий 1989-1990 годов, безусловно, будет и должна быть предметом критического рассмотрения. Эволюция исторического знания не происходит линейно, когда данные, полученные из архивных источников, формируют последовательные и не вызывающие сомнения трактовки значимых событий и их последствий. История как форма знания всегда открыта для полемики. Мы надеемся, что достаточно взвешенный подход, основанный на архивных материалах, поможет лучше понять действия каждой стороны в ретроспективе. Стереотипы могут быть постепенно преодолены, а недостоверные сведения опровергнуты появлением новых трактовок событий 1989-1990 годов и формированием новой общепринятой версии на основе представлений разных стран. В этой связи уместно вспомнить слова Цицерона, приведенные в его диалогах «О законах» (*De Legibus*): «При написании истории стандарт, по которому все судится, и есть правда».

99 Так будет называться готовящаяся к выходу книга Уильяма Хилла.

100 Выступление Лорен Крамп-Габреэлс на нашем семинаре, который проходил в Вене 6 ноября 2017 г.

101 Sarotte M. E. 1989... Обложка.

102 Выступление Вильгельма Хейнка на нашем семинаре по «устной истории» в Париже 5 сентября 2017 г.

103 См.: Nünlist C. Contested History. Pp. 22-26.

Заключение

Парижская хартия 1990 года как вдохновляющая идея. Сегодня Парижская хартия 1990 года по-прежнему является источником вдохновения для построения вместе с Россией системы безопасности, которая основана на универсальных ценностях и общих интересах. Государствам-участникам ОБСЕ необходимо вернуться к пониманию того, что существующие ныне общие проблемы требуют общих решений. Воплощению в жизнь надежд и чаяний на улучшение отношений между Россией и Западом в будущем могут помочь уроки Хельсинкского процесса времен холодной войны. Хельсинкский Заключительный акт 1975 года помог спасти европейскую разрядку напряженности и общеевропейский диалог во время усиления конфронтации между Востоком и Западом с 1977 по 1985 годы и в разгар международных кризисов (Афганистан, Польша), а проведение обсуждений в рамках СБСЕ – пусть и на нерегулярной основе – вне всякого сомнения, подготовило почву для беспрецедентного сближения Востока и Запада (или приобщения Горбачева к западному мышлению) в преддверии саммита в Париже. По признанию генерального секретаря ОБСЕ Ламберто Заньера, сделанному в ноябре 2016 года, способность участвовать в диалоге в подобных условиях сегодня, похоже, утрачена¹⁰⁴.

Размораживание отношений между Востоком и Западом. Аналогии при сравнении нынешних времен с прошлыми всегда весьма условны. Тем не менее конфронтационная риторика между Россией и Западом в 2014–15 годах очень напоминает «темные годы», наступившие после белградской встречи представителей государств-участников СБСЕ в конце 1970-х годов. Проведение Структурированного диалога вернуло в ОБСЕ формат определенного обсуждения и ослабило напряженность между Россией и Западом – точно так же Мадридская конференция СБСЕ в начале 1980-х годов заложила основу впечатляющего прорыва в отношениях между Востоком и Западом на конференции в Стокгольме в 1986 году. Сейчас сложно представить, что Структурированному диалогу и ОБСЕ удастся

послужить отправной точкой для возврата через 4–5 лет к установлению совместной и всеобъемлющей системы безопасности в Европе. Однако не менее сложно было вообразить, что после советского вторжения в Афганистан в 1979 году и 1983 года, когда СССР и США оказались в шаге от ядерной войны, накал холодной войны начнет спадать уже с 1985 года.

Принцип двусторонних отношений. В принятой хвалебной историографии о важности Хельсинкского процесса для мирного окончания холодной войны и принятия Парижской хартии обходится вниманием один очень важный аспект, а именно: роль многосторонней дипломатии или ее отсутствие. Хотя СБСЕ является воплощением многосторонней дипломатии, в нашем докладе четко показано, что решения Парижского саммита были обусловлены, главным образом, тем, что происходило в формате двусторонних отношений, в частности, «паузой Буша» в отношениях США с Москвой или ключевым тандемом «Вашингтон-Бонн» в 1990 году. Таким образом, примат двусторонней дипломатии в конце холодной войны уже предвосхитил «отказ от духа сотрудничества», для которого необходим приоритет многостороннего формата¹⁰⁵.

Анатомия недоверия. 20 лет назад Дебора Уэлч Ларсон опубликовала «Анатомию недоверия» – блестящее исследование о том, как построить доверие в атмосфере враждебности, опираясь на опыт завершения холодной войны. Ее выводы об упущенных возможностях и раскручивании спирали противостояния в ходе холодной войны как никогда актуальны сегодня. Она подчеркнула необходимость первых и ответных шагов (не на словах, а на деле), направленных на снижение напряженности и постепенное восстановление доверия. Вспоминаются односторонние уступки Горбачева, хотя глубокое недоверие не позволяло Западу оперативно на них реагировать, поскольку западные лидеры подозревали с его стороны лишь искусное притворство¹⁰⁶. Уэлш Ларсон также указала на опасность самосбывающихся

104 См.: *NRC Handelsblad*. 17 November 2016. Мы благодарны Лорен Крамп-Габреэлс за привлечение внимания к этому интервью Заньера.

105 Выступление Лорен Крамп-Габреэлс на нашем семинаре, который проходил в Вене 6 ноября 2017 г.

106 Выступление Маркку Реймаа на нашем семинаре по «устной истории» в Париже 5 сентября 2017 г.

пророчеств на примере президента Клинтона, который в январе 1994 года сказал, что попытки «провести новую линию между Востоком и Западом [...] могут оказаться самореализующимся пророчеством о будущем противостоянии». Тем не менее он не отказался от своих планов расширения НАТО посредством приема в ее члены Венгрии, Чехии, Словакии и Польши, несмотря на возражения президента России Ельцина: «Если в Европе больше не осталось ни блоков, ни врагов, то зачем Западу по-прежнему нужно НАТО?»¹⁰⁷.

Сейчас, в 2017 году, ОБСЕ предстоит много работы, чтобы зловещие пророчества так и не сбылись, а стереотипы и мифы, которые глубоко укоренились в самых разных слоях общества в большинстве государств-участников ОБСЕ, были преодолены. Если историки и очевидцы событий начнут обсуждать упущенные возможности и рассматривать вызывающие споры решения в историческом контексте, то это будет способствовать осознанию преходящего характера существующей конфронтации и возможности реального создания системы безопасности в Европе на основе сотрудничества.

107 Larson D. W. *Anatomy of Mistrust: U.S.-Soviet Relations during the Cold War*. Ithaca: Cornell University Press. 1997. P. 245.

Рекомендации

Как разбираться с сохраняющимися по сей день актуальность историческими версиями, не вызывая конфронтации? Как использовать новые архивные данные и последние исторические исследования для внесения корректив в устаревшие интерпретации и восстановления утраченного взаимного доверия во всем регионе ОБСЕ? Мы уверены, что ключом к примирению является улучшение понимания роли исторического контекста в формировании точки зрения оппонента, а также «инъекции» нюансов и многосложности в существующие упрощенные и односторонние повествования. Проведение историками новых мероприятий в развитие нашего проекта 2017 года с привлечением бывших официальных лиц и практиков для обсуждения и выявления причин существования взаимоисключающих версий, будет способствовать лучшему пониманию нынешних разногласий в оценке политической и дипломатической истории реорганизации Европы в 1990-х годах.

Историческая эмпатия. Наш новый взгляд на историю принятия Парижской хартии 1990 года, основанный на изучении архивных данных и обсуждении с очевидцами событий и современными историками с Востока и Запада, призван помочь оппонентам поставить себя на место друг друга и понять подоплеку занимаемой сторонами позиции¹⁰⁸. Так, на Западе должны с пониманием отнестись к обиде России за отказ от духа сотрудничества, начиная с 1990 года, и ее возмущению расширением НАТО/ЕС, лишившим ее права голоса (и вето) в сфере европейской безопасности. Но и России следует с пониманием отнестись к утверждению Запада, что в 1990-х годах и в последующем он руководствовался, главным

образом, желанием сохранить мир и стабильность в Центральной и Восточной Европе после роспуска Варшавского договора и распада Советского Союза в 1991 году. Найти документальное подтверждение в архивах 1990-1991 годов наличия в политике Запада преднамеренных антироссийских замыслов практически невозможно.

Согласны в том, что не согласны? В рамках продолжающегося Структурированного диалога ОБСЕ было принято решение «согласиться в расхождении взглядов» на исторические корни существующих проблем. Нынешний многосторонний диалог ориентирован на решение текущих проблем, улучшение контактов между военными, восстановление доверия посредством картографирования дислокаций воинских формирований, чтобы лучше понять возможности и намерения, связанные с военными учениями, и т.д. На данный момент среди государств-участников ОБСЕ нет политической воли «разбавить» официальную дипломатию Структурированного диалога дипломатиями полуторного и второго трека. Тем не менее на более позднем этапе имеет смысл подумать о направлении нашего проекта «исторических версий» в Структурированный диалог ОБСЕ, поскольку заключение Группы видных деятелей по европейской безопасности (РЕР) о том, что разногласия на уровне официальной дипломатии не могут быть разрешены без выявления их исторической подоплеку, по-прежнему сохраняет актуальность. По нашему мнению, обсуждение коренных причин уже само по себе является мерой укрепления доверия¹⁰⁹.

Диалог по истории. Мы считаем, что повышение информированности сторон об исторических контекстах и объяснение причин принятия в прошлом неоднозначных решений поможет постепенно восстановить взаимное доверие между Россией и Западом. Сообщество исследовательских центров ОБСЕ могло бы организовать серию семинаров и других мероприятий в 2018 году для дальнейшего обсуждения спорных вопросов, связанных с историей создания

108 О самой концепции см.: Lee P., Ashby R. Empathy, Perspective Taking, and Rational Understanding // O. L. Davis Jr. et al. (eds.). *Historical Empathy and Perspective Taking in the Social Studies*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2001. Pp. 21-50.

109 Выступления Вольфганга Целльнера и Стефани Лихтенштайн на нашем семинаре в Вене 6 ноября 2017 г.

системы европейской безопасности после 1990 года. Мы предлагаем различные формы «диалога по истории» для разных аудиторий, чтобы обсудить проблему вызывающих разногласия версий¹¹⁰. Необходимо предпринять целенаправленную попытку выявить и обрисовать взаимоисключающие версии по различным аспектам, связанным с формированием европейского порядка после холодной войны (некоторые из них кратко упомянуты в данном докладе). Эту работу надлежит сделать профессиональным историкам в тесном сотрудничестве с очевидцами обсуждаемых событий, как это происходило на нашем семинаре в Париже, проведенном в сентябре 2017 года в порядке эксперимента. Такая практика позволила бы лучше понять внутреннюю логику и доказательную базу различных версий. Знакомство с противоположными толкованиями улучшает взаимопонимание даже при несогласии оппонентов с версиями друг друга и невозможности выработать устраивающий обе стороны компромиссный вариант¹¹¹. Подобные действия улучшили бы понимание разногласий в оценке политической и дипломатической истории реорганизации Европы в 1990-х годах. Обсуждение различных нарративов поможет обеим сторонам критически оценить события недавнего прошлого и стать более конструктивными сегодня¹¹².

Проведение семинара в Москве. Раскрытие сущностных причин и взаимосвязей на семинарах по рассмотрению исторических версий, проведенных Сообществом исследовательских центров ОБСЕ в Женеве (май 2016 года), Москве (октябрь 2016 г.), Париже (сентябрь 2017 г.) и Вене (ноябрь 2017 г.), укрепили нашу убежденность в том, что необходимо изучить истоки отсутствия в Европе уверенности в своей безопасности и обсудить расхождения в версиях ученых и очевидцев. Представляется целесообразным перевести данный доклад на русский язык и обсудить его во время семинара в Москве в 2018 году.

Обсуждение с журналистами. Опираясь на сложившиеся рабочие связи с учеными и очевидцами событий с Востока и Запада, мы могли бы, среди прочего, пригласить журналистов, освещающих проблематику ОБСЕ и европейской безопасности в отдельных

государствах-участниках ОБСЕ (Италии, Словакии, Норвегии), и обсудить перспективы формирующегося мейнстрима в историческом освещении событий 1990 года. Журналисты играют важную роль в формировании (исторической) эмпатии или ее отсутствия. Особый интерес к результатам аналитической работы, проделанной в рамках проекта, могут проявить итальянские журналисты, освещающие председательство Италии в ОБСЕ в 2018 году¹¹³.

История ОБСЕ для сотрудников ОБСЕ. Мы могли бы также поделиться результатами своей работы с сотрудниками ОБСЕ на устроенном специально для них мероприятии в Вене, чтобы у них было лучшее представление об общеевропейских чаяниях в 1990 году и причинах, по которым они так и не были воплощены в жизнь после окончания холодной войны¹¹⁴.

Выход на молодежь, изучающую историю, и преподавателей истории. Точно так же, мы могли бы познакомить с наработками нашего проекта молодежь, изучающую историю, (и/или преподавателей истории) из регионов ОБСЕ и обсудить с ними результаты анализа нарративов по европейской безопасности. Мы должны использовать возможности сотрудничества с Европейской ассоциацией преподавателей истории (ЕВРОКЛИО)¹¹⁵.

Сравнение учебников по истории. Мы считаем, что было бы интересно привлечь Сообщество исследовательских центров ОБСЕ к проведению сравнительного анализа того, как в настоящее время в учебниках истории разных государств-участников ОБСЕ освещается период окончания холодной войны и сразу после нее, а также на какие описания событий они опираются, считая их достоверными. Результаты могут быть переданы соответствующим авторам и издателям учебников по истории на пространстве ОБСЕ.

Отчуждение России как процесс в период с 1992 по 1995 годы. Несколько участников нашего венского семинара подчеркнули, что, по их мнению, «вариант СБСЕ» (имеется виду повышение роли ОБСЕ в структуре европейской безопасности) был снят с повестки дня

110 С таким предложением выступил Уильям Хилл на нашем семинаре в Вене 6 ноября 2017.

111 Выступление Уильяма Хилла на нашем семинаре в Вене 6 ноября 2017 г.

112 Выступление Серены Джусти на нашем семинаре в Вене 6 ноября 2017 г.

113 Выступление Стефани Лихтенштайн на нашем семинаре в Вене 6 ноября 2017 г.

114 Выступление Иды Мантон на нашем семинаре в Вене 6 ноября 2017 г.

115 Выступление Лорен Крамп-Габреэлс на нашем семинаре в Вене 6 ноября 2017 г.

только к концу 1994 года, но никак не в середине 1990 года¹¹⁶. Обсуждение этой точки зрения могло бы укрепить позиции тех, кто считает, что отчуждение России от участия в формировании системы безопасности остальной Европы с 1990 по 2013 годы стало процессом, который произошел из-за ошибок и непреднамеренных побочных эффектов решений, принятых обеими сторонами из лучших побуждений, а вовсе не являлось тайным замыслом США причинить вред России. Было бы интересно продолжить наш проект по «историческим версиям» с акцентом на произошедшее в период с 1992 по 1995 годы, как только откроется доступ к архивам, причем следует направить фокус на расширение НАТО и модель европейской безопасности в преддверии институционализации СБСЕ в ОБСЕ в конце 1995 года.

2020 год – 30-летний юбилей Парижского саммита.

В 2020 году нам следует воспользоваться 30-летней годовщиной принятия Парижской хартии 1990 года и провести соответствующую конференцию. Ее цель – обсудить «дорогу к Парижскому саммиту» и его наследие, используя наши дискуссии и отчеты, подготовленные в 2016 и 2017 годах, а также обобщенные материалы по результатам проведения в 2018 году описанных выше мероприятий¹¹⁷. Подготовка такой конференции 2020 года должна начаться в 2019 году и опираться на активное участие французских ученых и председательство Норвегии в ОБСЕ.

116 Выступление П. Терренса Хопманна на нашем семинаре в Вене 6 ноября 2017 г.

117 Выступление Олега Шакирова на нашем семинаре в Вене 6 ноября 2017 г.

Приложение

Разъяснительное уведомление

При подготовке данного доклада использовались ценные советы и различные соображения, которыми с нами поделились очевидцы событий (бывшие дипломаты СБСЕ) и современные историки / ученые (большинство из них являются членами Сообщества аналитических центров и академических институтов ОБСЕ). Тем не менее мнения, изложенные в этом докладе, принадлежат исключительно авторам. Они не обязательно отражают точку зрения принявших участие в дискуссиях очевидцев событий и ученых, перечисленных ниже, или учреждений, которые они представляют.

Авторы

Кристиан Нюнлист (основной автор)

Центр по изучению проблем безопасности (CSS),
Швейцарская высшая техническая школа (ETH) Цюриха

Юхана Аунеслуома

Сеть европейских исследований (NES) Университета
Хельсинки

Бенно Цогг

Центр по изучению проблем безопасности (CSS),
Швейцарская высшая техническая школа (ETH) Цюриха

Очевидцы событий

Анатолий Адамишин

Российская Федерация

Баренд тер Хаар

Нидерланды / Нидерландский институт международных
отношений (Clingendael)

Уильям Хилл

Соединенные Штаты Америки / Национальный военный
колледж (NWC), Вашингтон (округ Колумбия)

Вильгельм Хёйнк

Германия

Марианна фон Грюниген

Швейцария

Стефан Лехне

Австрия / Европейский Центр Карнеги, Брюссель

Джон Мареска

Соединенные Штаты Америки / Деловой и гуманитарный
форум, Женева

Пьер Морель

Франция

Ежи М. Новак

Польша

Маркку Реймаа

Финляндия

Адам Даниэль Ротфельд

Польша / Варшавский университет

Андрей Загорский

Российская Федерация / Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова (ИМЭМО), Москва

Ученые

Йен Энтони

Стокгольмский международный институт исследования проблем мира (*SIPRI*)

Хусейн Багчи

Ближневосточный технический университет (*METU*), Анкара

Томас Блантон

Архив национальной безопасности, Университет Дж. Вашингтона, Вашингтон (округ Колумбия)

Фредерик Бозо

Университет Париж III Новая Сорбонна

Лорен Крамп-Габреэлс

Университет Утрехта

Франк Эверс

Центр исследований ОБСЕ (*CORE*), Институт исследований проблем мира и политики безопасности при Гамбургском университете (*IFSH*)

Хайнц Гертнер

Венский университет

Серена Джустини

Пизанская Высшая школа Св. Анны

П. Терренс Хопмани

Школа передовых международных исследований при Университете Джонса Хопкинса, Вашингтон (округ Колумбия)

Рейнхард Крумм

Фонд им. Фридриха Эберта, Вена

Барбара Кунц

Французский институт международных отношений (*IFRI*)

Стефани Лихтенштайн

Журнал «Секьюрити энд хьюман райтс монитор» (*Security and Human Rights Monitor*)

Ида Мантон

Академия дипломатии, Скопье

Селин Марранже

Институт стратегических исследований Военной школы, Париж

Кари Меттёля

Сеть европейских исследований (*NES*) Университета Хельсинки

Филип Ремлер

Фонд Карнеги за международный мир, Вашингтон (округ Колумбия)

Раймондс Рубловскис

Латвийский институт международных отношений (*LIIA*)

Светлана Савранская

Архив национальной безопасности, Университет Дж. Вашингтона, Вашингтон (округ Колумбия)

Эрвин Шмидль

Институт стратегических исследований, Австрийская академия национальной обороны, Вена

Алексей Семений

Институт глобальных трансформаций, Киев

Олег Шакиров

ПИР-Центр, Москва

Вольфганг Цельнер

Центр исследований ОБСЕ (*CORE*), Институт исследований проблем мира и политики безопасности при Гамбургском университете (*IFSH*)

Настоящий доклад завершает проект Сообщества аналитических центров и академических институтов ОБСЕ. Он основан на материалах двух семинаров, проведенных в Париже (5 сентября 2017 года) и в Вене (6 ноября 2017 года).

Сообщество исследовательских центров ОБСЕ является самостоятельным проектом группы экспертно-аналитических учреждений государств-участников ОБСЕ, действующей в рамках дипломатии второго трека. Сообщество не является структурой ОБСЕ или ее государств-участников. 74 члена Сообщества исследовательских центров ОБСЕ – это научно-исследовательские учреждения из 40 стран, которые проводят академические исследования и занимаются анализом политики по вопросам, относящимся к повестке дня ОБСЕ. Сообщество представляет собой гибкое и неформальное объединение, учрежденное более чем десятком исследовательских институтов 18 июня 2013 года после обсуждений в рамках Дней безопасности ОБСЕ в 2013 году. Его создание было ответом на предложение, высказанное Генеральным секретарем ОБСЕ Ламберто Заньером в его инаугурационной речи в июле 2011 года. Членство в Сообществе является открытым для аналитических центров и академических институтов, желающих и способных предоставить научное осмысление и анализ политики по вопросам, касающимся ОБСЕ. Оно предоставляет экспертную поддержку, стимулирует дискуссию и повышает уровень осведомленности об ОБСЕ, а также делится опытом и координирует совместные проекты и мероприятия своих членов. Ни Сообщество исследовательских центров ОБСЕ, ни ее члены не представляют ОБСЕ, и мнения, высказанные членами Сообщества, являются их личной точкой зрения и не отражают позиции ОБСЕ.

Вена

Декабрь 2017 года